

Путеводитель по Молдавии

– проза в стихах-
(Владимир Лорченков)

В год тысяча четыреста какой-то...

... странно

я должен писать о Вийоне, а вспомнил Кокойты,
знаете, смешной такой человек с серьезным лицом
президент самопровозглашенной республики Осетия
еще есть президент самопровозглашенной республики Приднестровья
Игорь Смирнов

на днях я пожал ему руку

если бы я был националист, то отрубил бы ее себе
но я подлый и хитрый продажный корреспондент,
провокаатор, враг государства внутренний
недруг

кто там еще

в общем, я руку не отрубил и вряд ли соглашусь это сделать
слишком уж я ценю свою руку, руку Бога, руку Марадонны
и верю, что рано или поздно я закачу ей великой книгой
мяч в ворота

самого Господа – вратаря

поэтому я люблю свою руку, я часто холю и лелею ее
засыпаю самого чистого овса в кормушку, вычесываю из шерсти блох
подковываю серебром, ласково гляжу в глаза
огромные, карие, как у меня и говорю:

- ну, что же ты, дружище? когда?

а она молчит и глядит в сторону, моя рука

наверное, ждет своего часа звездного и неповторимого

когда мы с ней забьем в ворота самого Господа-вратаря

а до тех пор мы жмем руки президентам самопровозглашенных республик
кстати, почему я вспомнил Кокойты?

Франсуа. Вийон. Год тысяча четыреста какой-то.

это, конечно, от беспомощности в создании рифмы

ассоциативный ряд, уводящий куда-то вдаль

я напоминаю себе свою мать, которая, рассказывая о ссоре
двух соседок

начинает почему-то всегда с рассказа о бабушках этих

достойных женщин, дедушках, как они познакомились,
 размножились, породили детей, а те внуков
 и вот внуки поссорились
 так что нам придется продираться сквозь все это
 нам - вам и мне
 в противном случае мы можем застрять на каком-нибудь отрезке
 глупой рифме «будь – нибудь» или «раз – сказ»
 раз, да раз, вот и сказ, попробуй сначала
 год тысяча четыреста какой-то
 вийон в постели слабость ощутил, набат гремит
 и тянется рука к перу, чернилам, он хотя бы в рифму мог все это написать
 а мне придется так, из междометий выбираясь, плести
 сеточку больших и малых лэ
 Итак. Год две тысячи шестой и я, без колокольного сопровождения
 путеводитель по Молдавии черчу
 начнем, пожалуй, - с чего там называли в больших и малых
 энциклопедий, Ефронов, Брокгаузов,
чудная рифма – пакгауз, но я не знаю, что это такое
 пожалуй, начать надо с названия?
 Молдавия – страна, странная странствующая страна,
 страна-странник,
 знаете, к чему лукавить, Молдавия это я, и не нужно крутить у виска
 револьвером, сейчас объясню – как ребенок в год
 выглядит совсем другим человеком, чем в пять
 и уж это совершенно не тот подросток,
 что ворует деньги из кармана пальто отца, и кричит на мать
 и уж не тот мужчина, не вспоминающий об этом
 подвыпивший, что курит на террасе, и ждет девяти часов, чтобы пойти к
 любовнице
 но все же это один и тот же человек – я,
 так и Молдавия – совершенно разные страны, непохожие друг на друга
 но в то же время это – Молдавия
 и это я
 Молдавская советская социалистическая республика, республика Молдова,
 Молдавия, Приднестровская Молдавская Республика, Бессарабия
 знаете, мне повезло жить в каждой из них
 если бы я был поэт, то сказал бы, что
 во всех этих совершенно разных странах
 всегда кем-то покоренных, время никуда не спешит, но это вранье
 и я, не поэт, говорю правду – время у нас да, не спешит,

но и не медлит, его просто нет у нас
время ушло
я – Молдавия,
вот он я, Господи, вот он я, блядь, да глянь же на меня!
знаешь, я понимаю теперь, почему у вшей красное брюшко, наверное
каждая из них думает, что Богу нет дела до
копошащейся массы серных насекомых, а вот если
она перевернется, то он на миг обратит внимание на красную точку, и взглянет
на нее и полюбит
ее,
вот же он я, вот же, вот же!
бери меня, покоряй, оккупируй, присоединяй, отчуждай, аннексируй
ну, почему ты всегда передоверяешь меня кому-то другому
разве я надоел тебе? если да, то за что надоел?
и почему? и за сколько? не вынуждай меня просить по-собачьи
я этого даже своим любовницам не позволял,
господи, господи, господи, господи, ну
хули
ж
ты
молчишь
?!
ах, оставим истерику, я едва только начал, а уже готов плакать навзрыд
простите, это все гены, сентиментальный, как все молдаване
кстати, я молдаванин
поэтому я чуть-чуть русский, отчасти еврей, украинец
которых, правда, не существует?
белорус и поляк
что ж, мы плавно переходим на характеристики
радушного гостеприимного народа
итак, я молдаванин, поэтому люблю рассуждать
о пьянстве русских, напившись вечером под каштанами на проспекте Штефана
много выпив, становлюсь пугливым и подозрительным – в густом воздухе
местечка Кишинев мне чудятся крики погрома
доставляющие мне неизбывную радость, пся крев
ну, вы понимаете, что меня интересуют скорее пойманные на заднем дворе
корчмы дочери-гимназистки, чем эти жестокие убийства
я же не зверь, черт возьми
радуюсь успехам белорусской экономики и уважаю лександра Григорьевича
Лукашенко

президента признанной ООН и всем мировым сообществом Республики
 Белоруссия
 а вовсе не какой-то
 самопровозглашенной республики президента
 Кокойты
 блядь, прекратишь ты или нет насилловать эту рифму, яростно ревет она мне?!
 я виноват, я больше не буду, прости меня, рука Бога
 в общем, глядя на Александра Григорьевича я вспоминаю и о белорусских
 корнях, мне приятно думать, что
 чуть что
 я всегда могу уехать в Минск, ну, или там, в Припять, в Брест, наконец
 или Брест это в России? да по хуй
 мне приятно думать, что я могу уехать куда-то
 приятно думать, что я – не зависимый
 не независимый, а – не зависимый, а, блядь, как бы объяснить?!
 в общем, мне приятно думать, что я не подсел на Молдавию
 я всегда могу соскочить, я не завишу от дозы, вот так вот
 после чего, как и полагается наркоману,
 я несусь, стремглав голову склоня, за дозой
 Молдавии
 и получив ее, успокаиваюсь, потому что мы снова вместе
 я полноценен – Молдавия это я, я это Молдавия, мы вместе
 это я
 добро пожаловать дорогие гости

- 2 -

я молдавский ландшафт
 в Молдавии нет гор – все дело в том, что я боюсь высоты
 но обожаю плавать, поэтому Молдавия переполнена
 как разлившаяся речушка водой
 водоемами, большими и малыми, озерами, всякими прудами, реками и
 речушками
 тонкими, серебряными паутинками они оковали маленькую Молдавию,
 меня, и плывут, плывут, плывут по ней, все плывут – выносят
 всякие вредные и полезные вещества, вымывают из почвы, можно сказать
 Молдавия это такая страна
 которая постоянно под капельницей
 поэтому болезни печени и почек, а также одутловатость и одышка
 ей не грозят, о, нет

а вот из того, что ей грозит, я бы хотел остановиться
 на Солнце, которое в общем тоже не люблю
 и которое не любит меня
 но мы терпим друг друга из-за подсолнухов
 которые оба любим, и которые любят нас и очень расстраиваются
 когда мы друг друга не любим
 ну, знаете, как дети разведенных родителей?
 поэтому из-за подсолнухов нам с Солнцем приходится притворяться
 делать вид, маскироваться, таиться, и совершать еще десятки никчемных
 глаголов
 но пока у нас получается – подсолнухи верят
 что мы с ним без ума друг от друга
 хотя мы на самом деле без ума от подсолнухов
 а Солнце я презираю и не люблю, потому что эта мерзкая тварь
 только и делает, что подсушивает кожу Молдавии, напоенную водами
 рек, канальцев, водоемов, прудов и всяких озер
 вот сволочь!
 блядское светило, только и думает, как мне досадить
 рассчитывает, что я сдамся, но нет, не выйдет у него ничего
 вот подсолнухи умрут, я уже с тобой рассчитаюсь
 ну, а пока я выхожу на улицу, сухо здороваюсь с Солнцем
 и иду себе по проспекту Штефана
 напиваться и говорить о том, как пьянствуют русские
 и как благородно умеем делать это мы
 я не то, чтобы люблю подсолнух, поймите меня правильно
 просто я без ума от Ван Гога
 хотя нет, вру – скорее, я без ума от репродукции Ван Гога
снова вру - что за манера? мама, хватит, прекрати!
 если быть совсем уж точным, то я без ума от страницы
 журнала «Крестьянка», но не старого, а нового, подделанного под
 «Космополитен», но с местным уклоном
 на которой, - я все еще говорю о странице, - изображена репродукция
 то самой картины Ван Гога, где изображены
 подсолнухи
 уф, теперь не соврал
 ну, теперь быстренько пробежимся по географии Молдавии
 и займемся другими, более приятными делами
 квалификацией местных женщин, описанием местных борделей
 о! я знаю один, пальчики оближешь, в прямом смысле прямейшего слова
 там еще и готовят

плоская ноздреватая яичница, Молдавия, не представляет собой
 как и я
 ничего возвышенного, но есть в ней прелесть посредственности
 низменной возвышенности, плоскогорья, мечтающего о небесах
 очень зелено, - когда я по утрам осыпаю омлет с сыром рубленой петрушкой
 укропом, кинзой, и еще парой-тройкой трав (семейный рецепт, секрет)
 то мой омлет становится похож на Молдавию
 вот эта часть, где возвышается облитая яйцом колбаса, и из которой
 веточка укропа торчит
 очень похожа на Кодры, центр – весь во вздувшихся пузырях
 ни дать ни взять Кишинев на семи холмах
 а края омлета, обжаренные, без зелени,
 это песчаные отмели
 Днестра и Прута - двух моих вен
 вода в них разнится как
 как кровь венозная и артериальная, выпей из прута
 и умрешь, а тело изрубят
 но если сложить кусочки и полоснешь по ним водой из Днестра
 оживешь
 а поскольку Прут от меня слева а Днестр справа,
 и процесс непрерывен,
 то я всегда умираю и оживаю
 оживаю и умираю
 вечная птица Феникс
 моя Молдавия
 олдавия
 давия
 ия
 я

- 3 -

я – молдавская война
 и хватит об этом, хотя пройти все равно придется
 уважаемые туристы, пройдите за мной в следующую комнату, очередная
 достопримечательность спрятана там
 как Кошечевы явства в сундучке, окованном серебром
 как Молдавия венами рек но это не совсем достопримечательность из тех
 достопримечательностей, которые
 показывают и гордятся
 вот на комнате с шлюхами, девицами и матронами, с девушками и женщинами

девочками и стервами,
обитающими в моей Молдавию, я остановлюсь подробнее
а эту мы постараемся пробежать как можно скорее
потому что это нечто оно темное дышит неповоротливо
тяжело и мокро
как курильщик, который собрался отхаркаться
дамы и господа итак
межнациональный мир и согласие
которым ничто не угрожает потому что так сказал президент воронин
в речи
написанной ему спьяну кем-то из шестеренок
огромного колеса обслуги
которое называется администрация президента
неудивительно – поглядел бы я на администрацию президента
которая обслуживает не президента
а, к примеру, заместителя директора частной фирмы по хозяйственной части
обычно ими у нас в Молдавии становятся бывшие военные
бравые с грудью, смотрящей сосками задорно вверх
эх, молодцы!
мы молдаване поем и танцуем, правда при этом
ненавидим всех и вся
я ненавижу тебя за то
потому что и поскольку
мы ненавидим пришлых, в Молдавии пришлые все
стало быть, мы всех ненавидим
эта Молдавия напоминает мне приют для сирот-животных
безумную ферму, набитую вольерами
с беспризорниками, приют для животных
в Австралии, где по клеткам сидят маленькие вомбаты, кенгуру,
прочие животные животинки
живота не щадившие
в жопу
и думают – что за херня, как мы здесь оказались и что это за мудак с
фотоаппаратом
а это всемирно известный фотограф, всю жизнь посвятивший защите животных
он фотографирует бездомных вомбатов
Бог фотографирует солнцем бездомных нас, молдаван,
Ван Гог фотографирует светящимся глазом подсолнухи
я фотографирую очередную любовницу, согласившуюся раздвинуть перед
камерой ноги

ее вагина фотографирует меня, суестьегося возле фотоаппарата
разве может быть будущее у страны
где мужчины интересуются у женщин, с которыми хотят спать
какой те национальности, а женщины
смеются, накручивая на веретено
костяной ноги прядь волос
послушайте, я хочу спросить вас, кретины
разве у пизды есть национальность? или вот, мой хуй, да он же
интернационалист!
хотите, споет про дружбу народов?
а хотите я спою?
да нет, идите вы на хуй, народ слепцов и безумцев
скорпионов, жалящих себя в ляжки
нет чтобы потискать других за ляжки
желательно женщины, но
если хотите, то валяйте – и мужчин
псевдо-поэты в вылинявших рубашках, в которых они сочиняли стихи
про детство Ленина и не удосужились выбросить –
этим все сгодится
конечно Молдавия это я, но как получилось
что я стал страной, где изнасилование выдается за союз по любви и
гражданское согласие
впрочем, кому не нравится, убирайтесь
счастливого пути, езжайте с богом, дорога усыпана поцелуями
это я их подбросил
шины ваших автомобилей проколются и спустятся
как от противотанковых ежей
колючие поцелуи – после вас моя голова
в ранах, как от терновых кустов
и, совсем уж мельком, упомяну, что мы с вами проходим мимо
страны, где произошла небольшая гражданская война
все было как полагается, разумеется
нам ее не дали выиграть
а уж как мы бездарно сражались
а сейчас я пытаюсь забыть этот кошмар
собственно, не я, а Молдавия, но раз
уж взялся за гуж, то и рыбки из пруда не выловишь
берешь на себя Молдавию
бери и ее грехи
если уж знал, что связался со шлюхой, то

какие претензии к прошлому, мой мальчик
 но ничего
 ужо мы
 вам
 всем покажем
 уж новую войну мы непременно выиграем
 не думай, я настоящий мужик, я не боюсь
 ведь вода в Днестре оживляет
 все? можно закончить с этим?
 слава тебе господи! переходим к бабам
 а что с войной
 да хер с ней
 проехали
 снято!

- 4 -

я – думаете, что-то молдавское? - хрен там!
 и здесь, и под землей, и под зеленым листом
 попробую ошарашить – это называется сбить ритм
 так учил меня старенький тренер бокса еще до того, как они попали
 мне по правой брови так, что пришлось бросить сцену
 еще до того, как я занялся шейпингом
 шоппингом, дринкингом
 и вообще дифтонгами английского языка
 до того, но уже после – как бросил плавание
 первый раз, разумеется, первый
 второй раз я начал недавно
 все еще горю желанием обогнать самого себя
 перемолоть тонны воды, мельница, а для чего
 какая разница, все бессмысленно, давайте лучше о женщинах
 женщины во мне бывают маленькие и статные, полногрудые
 и с маленькими, как точки китайской гуаши
 на покарбанном стальным пером листе рисовой
 или какой другой
 бумаге
 во мне живет бабушка, которая заставляет спать в обед
 мама, поэтому я прилежно завтракаю до того как выкурить сигарету
 тетя, поэтому я бросил курить

Света - рыженькая такая, поэтому я знаю секрет соблазнения
 ха, три конфеты «Красная шапочка» и любая твоя
 женщины живут во мне похотливые, разговорчивые, с матерком
 с ветерком, лихие
 лопухие
 думаешь, добавил лопухих для рифмы? а вот и нет
 почитай Кейт Кинси, «Как стать секс-бомбой»
 самые развратные женщины – с оттопыренными ушами
 оттопырится, расстопырится по полной, милая,
 давай же
 раздвинь свои уши, раскрой рот пошире, женщина, которая
 живет во мне, жаждет тебе засадить
 в Молдавии в деревнях старики и старухи
 в рубашках вышитых орнаментом Солнца
 блядское Светило! ладно уж, ради подсолнухов...
 так вот, старики и старухи говорят после стаканчика первого в этом году вина
 вот что:
 - оральным сексом это стремление мужчины подчинить себе женщину
 потому что рот дырка для говорения
 а не для хотения
 и сунув в дырку для говорения орган хотения
 ты приводишь ее, красавицу
 к полному подчинению
 приводишь -
 словно полноприводную, приводную и вообще водную...
 и вот, снова мы о воде
 оказывается, эти старики и старухи вовсе не старики и старухи, одетые
 в рубахи солнца
 а психоаналитики с клеймами лучших университетов
 тавром наилучших институтов, и они прячутся в замшелой мглистой земле
 выползая только по весне
 чтобы прогреть свои лишённые кровеносных сетей тела
 и заблуждений – души
 они часто снятся мне в самых кошмарных снах, когда я лежу с открытыми
 глазами
 под орехом во дворе дома моей умершей бабушки
 не спи под орехом, говорит она сердито, дурные мысли в голову ползут
 мне нечего терять, смеюсь я в ответ
 а теперь следите за указкой – куда она ползет,
 правильно, снова о женщинах

я предпочитал брюнеток, потому что у них хоть сразу видно – есть усы или нет
 с блондинками вечно морока
 соблазнишь, подцепишь, полезешь целоваться, а там усики
 конечно, и с брюнетками ты не застрахован на все сто
 помню, с одной целовался, а у нее верхняя губа была бритая
 клянусь рукой Бога
 с рыжими вообще все не до конца понятно
 мне кажется каждая рыжая женщина в глубине души –
 ненавистное Солнце
 но я терплю и рыжих женщин
 конечно, ради подсолнухов
 моя жена этого не понимает, и говорит, что я неразборчив
 во всем: в еде, в книгах, в женщинах
 еще говорит, что я удивительно всеяден
 и мол, поэтому, я – следующая ступень эволюции,
 потому что люди
 стали людьми
 потому что были
 среди обезьян
 единственные всеядные:
 обезьяны, жравшие только растения, обрекали себя на гибель зимой
 когда растения вяли и умирали, а
 обезьяны, пристрастившиеся к мясу,
 рисковали сдохнуть от голода, если дичь не ловили
 и только всеядные выжили – могли и так, и так
 что называется, повернись к лесу передом, ко мне задом
 ну, или по-другому: наш пострел везде поспел
 Хомо Сапиенс все успел
 но эволюция-то продолжается, говорит жена
 сердито рассматривая рыжий волос на моем плече,
 и теперь должны выжить лучшие из лучших, - те,
 кто всеяден не только в прямом, но и в переносном смысле
 всеядные пожиратели не только пищи, но и нематериального
 так говорит жена
 много чего она еще говорит -
 что взять с шатенки

а сейчас я расскажу вам о литературе Молдавии

замечательной страны, раскинувшейся на 165 сантиметрах роста
 100 см окружности груди и 40 см бицепса
 ну, само собой, все эти восхитительные формы она приобрела
 когда я взялся за ум и начал плавать плавать и плавать

самый известный замечательный великий востребованный
 и модный на сегодняшний день молдавский поэт
 это Франсуа Вийон
 самый талантливый, глубокий и многослойный творец прозы
 (слово прозаик так же омерзительно мне, как и Солнце)
 это Апдайк, Сарاماго и даже немножечко Амаду
 еще очень ценится в мире молдаванин Шарль Де Костер
 а из новейших – молдаванин МакКинерни
 а самый величайший скульптор Молдавии
 это Микеланджело
 тот
 который Буонаротти

все это смешалось во мне, как в блендере
 и стало мной. Поясню.
 я утром беру блендер, бросаю в него зелень, сметану, морковь
 горчицу, чуть коньяка, сливки, еще кое-чего
 (говорю же – семейный рецепт, тайна!)
 и в результате на завтрак к омлету
 похожему на Молдавию
 у моей прелестной жены - шатенки и меня –
 чудный соус
 и вы же не можете сказать, что у меня на завтрак – чудная зелень, чудные
 сливки, чудный коньяк чудна сметана или чудная морковь, ведь так
 потому что все это уже фирменный семейный соус
 которым так приятно поливать омлет

значит, и апдайк, сарاماго, немножечко, - капельку! Амаду
 костера, маккинерни, буонаротти и еще сотни три других
 великих ингредиентов
 превратились во мне
 в меня
 все это – я
 а уже не они
 и я – великая молдавская литература

кстати, значит, - и они тоже
и мне плевать на ярчайший софизм, который
так и прет из последнего утверждения как соус
из блендера, когда зелени слишком много
когда я перебарщиваю с петрушкой
видимо, раз прет софизмом
я переборщил
пересоусил
перезеленил
Апдайка

в любом случае без меня Молдавия это как омлет
без соуса и мне плевать что это тоже софизм, потому что мы ведь условились
будто Молдавия это я

в любом случае, в любой библиотеке мира вы можете найти
книги великих молдавских литераторов
перечисленных мной
а теперь снова о бабах, что?!
уже было?...

- 6 -

да что мы все о литературе да о Молдавии
давайте
черт возьми
наконец обо мне
вот уж тема для исследования тут вам никакое
изучение меловых слоев третичного периода на дне высохшего моря
и рядом не встанет, да и не ляжет, и вообще – просто не поместится
ведь я огромен
конечно, по меркам своей маленькой страны

начну пожалуй с лица, на него ведь в первую очередь смотришь
оно у меня податливое, как настоящая Молдавия
если что, будет по-восточному тонким и темным
а если турок погонят славяне, я пошире открою глаза
наконец, если никто не придет нас аннексировать я, как и Молдавия
стану тем, кто она, в смысле, я, есть
великим Ничем

ведь на самом деле лица у меня нет – все эти бугорочки и складочки
легко разглаживаются, обвисают к земле, когда не нужно
ничего из себя представлять

мои пальцы тонки и утонченны, помню, когда я родился
вся семья – молдаване сельские, перебравшиеся в город
толпились вокруг люльки
и поражались тому, какие у меня интеллигентные руки
ну, допустим, не такие уж и -
против водородной бомбы они, например, не протестовали
но изящные, это да
руки человека, который в земле копать не станет
и откуда в нем эта порода, спросил сам себя один из моих дедов
вырастет лентяй и фантазер
так оно и случилось, но позже, а сейчас я лежу
гукаю, машу тонкой работы руками изящно навстречу небу
а в толпе у кровати затесалась
старая ведьма с веретеном
когда все отвернулись, она меня уколола в самое сердце
и с тех пор мои глаза стали глубокими и полными жалости к себе
я не знаю покоя и бродяжничаю
даже когда меня привязывают к большому майскому столбу
на праздник сожжения
солнечной Молдавии

так, остается немного, волосы черные и жесткие
вьются и кучерявятся
евреям я намекаю на таки происхождение и они меня любят
устроили племянника в садик для евреев
арабам говорю о прадедушке-денщике родом из Аравии
и они угощают меня шаурмой
я хорошо устроился, из-за этого у меня приятное крепкое тело
ноги не кривые, слава богу, не нужно выдумывать прадедушку-татарина
руки сильные, делать я ими ничего не умею, зато тяжести могу поднимать
а вот сердце
сердце
с дырой
в такую можно и кулак просунуть
сказал врач на рентгене, но штопать мы его не будем

может начаться пожар, война, случиться инфаркт, вторая мировая война
 повторится
 потроится, вы имели в виду?
 что бы я не имел в виду, операцию мы делать не станем, страдайте дальше
 понятно, доктор, спасибо
 я не доктор, я та ведьма с вертлявым ветренным
 веретеном
 помнишь меня?
 еще бы!

так, что там осталось... а, самое-самое!
 еще у меня есть... что? а, о
 женщинах уже
 было...

- 7 -

о климате
 он чудный, но не сегодня
 нет, нет, сегодня - нет
 ничего нет
 сегодня я жара
 жара я жаркая
 начинаю к бассейну разбег и плюх. Поехали.
 в этом городе за чертой барометра
 у которой высек цифру 30
 Парацельс. Или Цельсий
 Неважно. Жара
 ты понимаешь, о чем я
 так вот, в этом городе,
 мы лежим на паласе, корытом
 покрытом
 шпильками, скрученными небрежно
 пальцами
 так приятно крутить, когда нечего произнести
 палочками для ушей, ногтями, шерстью позавчерашнего кота
 в углу плачет кошка: было свидание
 палас покрыт всей этой чепухой
 как пляж доисторических чудищ
 палас белеет

останками динозавров
 загоравших у Океана
 и среди костей, каменных ртов, позвонков и зубов
 чудом двое живых
 динозавров
 что сохранились на кладбище
 сородичей
 Я говорю о нас с тобой
 этот город плывет в жаре
 эти двое плывут в поту
 ты говоришь: Может, переключить канал?
 я склоняю мокрый висок с каплей
 пота на ухе
 к твоему мокрому животу
 Океан покрывает нас вместе
 я напишу об этом книгу, вот-вот, очень скоро
 я все придумал, милая, и сюжет и канву, осталось закольцевать
 мы лежим под водой, хлопая большегубыми, -
 - они у нас эротичные, -
 ртами
 отсутствие воздуха нас не смущает
 как никогда не смущало
 тех, кто жил в городе
 живущем за чертой барометра
 у которой высек цифру 30
 Парацельс. Или Цельсий?...

в общем, я наглядно продемонстрировал,
 надеюсь
 что в жару я -
 это ад
 не другие, не яд, а именно ад
 я

- 8 -

литература и утопленники это всегда тесно взаимосвязано
 это чувствовал прекрасный молдавский писатель
 джон стейнбек

это очень тонко чувствую я
 ну, на то я и тонкая натура с тонкими пальцами
 кстати, не подумайте, сами руки у меня что надо, сильные, мускулистые
 мускусно-мужественные
 это в душе я романтик и тонкий ранимый
 снаружи я броненосец
 самый распространенный его молдавский вид
 броненосец таврический

всеми брошенные стихи пасутся у побережья
 рубежей
 Океана и гальки
 всеми забытая женщина смотрит в глубь
 пенных морей неподалеку всплывает другая
 женщина

она утонула в Консервном ряду
 человека, притянувшего ее
 за волосы ко дну звали, правильно, Стейнбек

и вот она всплыла
 здесь
 на побережье между океаном и галькой
 сточенной копытами
 всеми брошенных стихов

- 9 -

когда-то я был Посейдон - это великий молдавский бог
 которого мы с Христом свергли, когда надоело
 бросать лучших женщин
 в моря
 я был Одиссей, это великий молдавский жулик
 который уехал в Грецию без визы собирать апельсины
 да и остался
 сборщиком апельсинов, змей и коряг
 на одной из которых впоследствии спасся от тайфуна
 разрушившего микенскую цивилизацию 12 тысяч лет назад
 а поскольку в районе Средиземного моря тогда не выжил никто
 он сочинил о себе Одиссею

Одиссей Одиссею сочинил Одиссею
Одесную
От меня

тем не менее, я очень скучал без него, Одиссея,
потому что он это ведь я
а мне всегда себя не хватало.
правда, я?

не знаю, мне грустно, псы греют бока о горящий, стальной и мусорный бак
так много прилагательных на одну мусорку?
но разве что-то стоит большего
в этом грязном от дождя городе?

возьми мою руку
у тебя слезятся глаза
где ты пропадал сегодня, и что пил?
мокрый картон расползся
разве есть что радостное в этом мире?

видно боги изготовили его под себя
значит, я изготовил его под себя?
похитил нашу радость, оставив лишь мусорный бак
и расползшийся от сырости картон
знаешь, я был в доме ветров и оседлал одного
вот потеха была!
а брыкался ли оседланный ветер?
еще как, но я, когда Одиссей, муж умелый и ловкий
пустое, скажи, много ль ты видел?
ничего, что стоило бы слов
ты так боишься потратить их?
еще бы!
мне больше не дают слов в долг

я отсыплю себе пригоршню

видите мост, большой мост, это огромный просто мост
он навел мосты между районами Кишинева
расползшегося омлетом по холмам
семи холмам царицы Савской
и вот по этому мосту ползет что-то маленькое, белое
мы подкрутим окуляр микроскопа, и это станет большим белым
мы снова подкрутим, и изображение станет в натуральную величину –
примерно с Давида Микеланджело Буонаротти
ба, да это же я!

идуший по городу
в белом свитере, где нити – кружева моих злоключений
иду, не унывая, радостно плачу под напором ветра
силящимся забраться под изнанку век

этот холодный ветер издавна дружен с городом
но чем-то ему не нравится маленький веселый человек
в белом свитере, где воротник - кольцо нелепой судьбы
ветер думает - заберусь-ка я под изнанку его век
пощекочу нежную гладь глазного яблока, выжму слезы
но маленький человек в белом свитере смеется
полагая, что его слезы не имеют отношения к нему самому
как ветер - к городу, куда врывается каждый ноябрь

я обнимаю себя как лучшего друга
ступаю на мост, вспоминая анекдоты
байки, истории, рассказы - шелуху для ума
вовсе не для того, чтобы забыть о холоде
эта шелуха сокращает мне путь, осыпав его
развлекает ум - вовсе не самый глубокий

иду, потому что хочу занять себя
у меня ничего
нет багажа в виде прав человека, уважения к слабым
нет комплекса перед черным потому, что я - белый
как свитер, где нити - линии судеб людей

они сплели для меня кокон, где я живу -
теплую одежду круга друзей и знакомых, любимых женщин

детских кошмаров, рабочих взаимоотношений и карьеры
головокружительной, как взгляд в небо утром с перепоя

иду по мосту, пытаюсь попасть в резонанс этой странной
машины, разлегшейся на восемнадцати бетонных опорах
улыбаясь, я останавливаюсь посреди моста
я говорю - прощай,
издыхающий кит городского строения

Я отойду на минутку, чтобы родиться

- 11 -

с детства я был вийон баллады истин наизнанку
но стать вийоном баллады повешенных смелости мне
хватило лишь к тридцати годам
не правда ли, прекрасный пример человеческого малодушия,
воскликнул бы замечательный молдавский философ Монтень
еще по прошествии четырнадцати лет со дня своего рождения
когда я ушел с моста в родильный дом, чтобы явиться
ведьме с веретеном

когда я решил, что буду смелым, то написал средневековый
плутовской роман
а потом переделал его в песню
без ритма мелодии и слов
и сейчас, будучи смелым и мужественным, я пою
нескладную балладу мужества, балладу авантюриста
я пою

Спускаясь под холм с поднятой вверх головою
смотри под ноги, найдешь кошелек!
или не упадешь

я радостно приветствую летящего человечка
в крылатых сандалиях на босу ногу
наверное, небесного бедняка

нет, извини, здравствуй, теперь вот - нет
я не бедняк, я – Гермес.

много ли коров ты похитил сегодня, брат?

целое стадо, голов в восемнадцать, брат
 корову с белой звездой на лбу - вечернее ожидание
 косматую - грусть
 с рогами, увитыми плюшем - бездействие
 корову в колокольчиках - беспричинную радость
 с влажными глазами - страсть
 корову масти белой - непорочность
 с забрызганной кровью шкурой - любовь
 вожака стада - он заменяет им чувство отцовства
 корову с томным взглядом - смерть

и еще, их в этом стаде много
 я всех не упомянул

а что же владелец стада?
 он ничего не сказал мне, Гермес, ничего
 кажется
 но я думаю, что когда мы встретимся, он будет зол
 что мне делать, брат?

не возвращай коров, спускайся вниз
 это, поверь, трудней, чем подняться
 не возвращай смерти и грусти, ожидания и любви
 тот ловок, кто украл навсегда,
 похищенных чувств не ищут
 спускайся вниз
 видишь те прекрасные глаза, брат?

они твои. Бери их.

- 12 -

и, значит, я их и взял, как Гермес предложил
 а они, надо же, оказались при женщине
 и у нас начался роман
 закрутился волчком
 веретеном
 и тогда-то я понял, почему именно веретено было в руках ведьмы

навестившей малютку меня
понял я это, когда мы уехали из Молдавии на недельку
и я снова лишился себя
зато у меня теперь была ты
и
я стоял на заброшенном скользком моле и сочинял песню о том, как

на заброшенном скользком камне
что торчит в море
в пяти милях от побережья,
разбросаны пальцы, кольца, плетенки.
эта странная сдоба.
так напоминает тебя в эпоху заката что был до рассвета
Ты помнишь? Представляешь, ты – Рим, возвеличенный, гордый, поднявшийся
после нашествия варваров орд, а я Византия, в зените могущества после осады
Христа.
Крестonosцы, Христово воинство. Гунны, Атилла, Алларих, сколько
безжалостных толп протоптали. Эту плешь на моей груди?
На твоей седине?
Вернись - ступай – нет, иди, да, ты кажется, поседеешь и рухнешь
до этого еще далеко
но я уже ясно, отчетливо вижу эти складки на коже
тонкие белые проблески в волосах сейчас ярких,
живых, и жгуче-прекрасных как водоросли под камнем
скользком, заброшенном
в пяти милях от побережья разбитых судов,
где мы встретились в первый раз
ты конечно пришла
грабить разбитую шхуну, а я защищался,
победили мы
в тот день здесь впервые
от сотворения мира зажегся костер
на него мы ловили заблудшие лодки, пировали на плоти
хватало своей
мы умрем, а потом состаримся
не сейчас
может, в этом столетии
может
чуть позже

- 13-

я пою песни о любви, заброшенной, как и камень на побережье
 покрытый скользким мхом, - строго говоря это водоросли, но я никогда
 не представлял их себе короткими
 только длинными, в банках, на салат, не бывает коротких водорослей, думал я,
 как и женских волос, - до тех пор, как не встретил тебя с твоими короткими
 волосами и понял: то-то и оно, оно и есть, это то самое, в яблочко
 я влюблен в тебя, в твое «я», я бы хотел прижаться к нему теснее, чем ты ко мне
 когда хочешь
 и вот, поглаживая пальцами ног этот короткий мох, по недоразумению
 прозванный водорослями
 подшерсток этого пузатого камня, подбрюшье в мелких морских блохах, я гляжу
 на берег
 в пяти метрах от камня, и гальку, по которой стонут, и бреду сотни тысяч, тысячи
 тысяч, тьмы и миллионы рабов, оплакивая свой Великий Средиземноморский
 Путь

о, Великий Средиземноморский Путь великого молдавского рабства, ползущий
 узкой колеей вдоль побережья моря
 мы плохие мореходы, и пешеходы тоже, поэтому мы не уходим далеко от берега
 – в глубь суши ли, в глубь моря ли, в глубь земли ли
 у азиатов и Европы был великий шелковы путь, а у нас один остался, путь рабства,
 по нему
 колонны людей, как и 500 лет назад, ползут с востока на Запад в цепях
 - а нам верещат «свет с запада, с запада свет», чтобы вы ослепли тем светом
 но вместо галер у них микроавтобусы, наполненные жаркой ветошью, вместо
 трюмов галер – потайные кармашки в кузовах, вагонах и фурах, вместо бича и
 плети – четыре тысячи евро, за столько
 молдаване покупают себе место раба в Италии, они бредут и стонут,
 стонут и бредут, и плачут, а вдоль шеренг стоят надсмотрщики с телами
 минотавров и лицами
 вороиных, рошек, ткачуков, и прочих молдавских блядей
 они вырывают из нас куски мяса плетями нищеты, они ослепляют наши глазницы
 кипящим свинцом лжи,
 воцарившихся в Молдавии, откуда текут ручьи и реки рабов
 раньше из нас тек тоненький ручеек рабов, тоненький, как чуть крови из тела
 слегка раненного,
 а сейчас благодаря блядям

и христопродавцам с лицами надсмотрщиков, радостно верещащих на костях рабов, из Молдавии хлынули рабы потоком, как воды и сукровица из мертвого тела Христа, которого ткнули копьем подмышку
 надо отдать им должное, не забавы ради, а чтобы убедиться –
 он мертв

надсмотрщики с лицами блядей, бляди с лицами надсмотрщиков
 с лицами обезумевших от своего бешенства дабиж и виер, серебрянов иуд
 радостно поют на костях рабов:

- они привезут нам не только деньги, они привезут нам менталитет старой Европы, пожухлой, которую нынче
 венценосный бык теперь и украсть не захочет, побрезгует старой дрянью
 надсмотрщики трут ручки и поют нам о европейских ценностях
 изредка их тьяканье гиен перебивает другое, не тьяканье, скорее - скулеж
 двенадцатилетней девочки из молдавского села
 ее мать подтирает задницу инвалиду в Италии, слава тебе, святая
 я построю часовню в твою честь
 а девочка рыдает под папашей, отцом, Давшим Сущее,
 обезумевшим от пьянки и безработицы в селе папашей, мужчиной с крепкими
 землистыми ногами, руками, корнями
 это и есть корни, не так ли, помноженные на европейские ценности
 вот и внучок тебе от меня, жена
 плачьте, женщины, плачьте мужчин, но больше всех плачьте вы -
 молдавские бляди,
 потому что вода этих слез отошьется вам свинцом тех пуль
 которые покрошат ваши бесстыжие рожи блядей с масками ткачуков, ворониных,
 рошек
 если у этого народа есть еще что-то мужское в мошонке

исчадия ада, вас описывал еще обезумевший от триппера, тоски и одиночества
 еврей Эминеску, только
 тогда маски на вас были другие - через сто лет напялите еще чьи-то
 маски, маски, маски, мазки
 ополоумевшие мазки художника-дилетанта на грубой и старой коре деревьев,
 мазки гуаши на старой коре, вот что такое ваши лица
 нет у вас их

рабы идут, ползут, стонут, как муравьи цепочкой вытянулись, только
 легче муравьям
 они скоты бессловесные и твари без души, тела, страдания

маленькие автоматы, запрограммированные природой быть рабами Муравейника
 людям хуже
 людям больно
 людям плохо
 люди в аду
 я спою им, чтоб нескучно было пылать
 в ожидании своей
 очереди

гори, гори ясно, чтобы не погасло
 пламя жира, пламя тела, пламя страсти, чтоб кипело
 трескало, брызжало, шипело
 как мясо жирное на сковородке
 твое незабвенное тело
 человека, венца природы, творения и создания
 чтобы пело запахом для обоняния едока
 чтобы сладко шкворчало в миллионах пузырьков своего же жира
 живой факел вот кто ты в аду
 гори, гори ясно, прекрасно
 весело, как фонарики в пекинском саду
 саду наслаждений, в Версале
 тебя сожгли, чтобы пиру было светлее
 радуешь людей, так порадуйся сам
 разве видал ты грустный фонарик на празднике
 так веселись
 если тебя зажгли, чтобы осветить столы пирующих блядей
 а заодно поджарить твои мослы
 для насыщения ее
 пусть подавится, пусть гложет
 мы сгодимся им, как баран – хлопотливой хозяйке из Домостроя
 что пустит вход все, от копыт до глаз
 о, глаза, их можно бросить в суп, и кому повезет, тот
 вытащит счастье

исчадия ада, вас описывал еще обезумевший от триппера, тоски и одиночества
 еврей Эминеску, только
 будьте вы прокляты в миллионы раз крепче, чем он вас проклял

рабы идут молча, а лучше бы пели

когда-то за нами, рабами, приходили татары
 Оргеев, столица, Золотой Молдавской Орды
 нет ничего любезнее для сердца степняка, чем лошадиные морды
 с хрипом выпускающие пар на мерзлую траву молдавской степи
 осень

крик Аллах акбар из православной церкви это молятся гагаузы
 православному богу на своем тюркском языке
 знаешь, православный Бог, я, кажется, с тобой примирился, ушел от
 католического

вот на что подвигли меня подвиги Золотой Молдавской Орды
 несущейся накатом по степи Гагаузии
 пыль, полынь, ковыль, степной пейзаж, и все это в далеком далеком
 далеком предалеком прошлом

сейчас я городской житель, я челнок, снующий между домами, я винт, я машина, я
 обожаю жар остывающих бульваров

я не мыслю себя без города

без стойбища Новой Молдавской Золотой Орды

вместо лошадей у нас троллейбусы, вместо наката час «пик»,

вместо степей у нас семь холмов, вместо неба каштаны над головами

вместо любви

быстро-быстро раз-два, ать-два

да нам и не нужно, все равно любовь кончается

все равно все кончается

все равно все

равно

рано раны зализывать, затискивать, мять и заискивать

перед болью в собственном теле

в пределе чертога венценосного, судьбоносного

чертога, отрога, рога и выроста, выступа на голове

боевого единорога с синей звездой

на которой верхом скачет сотник Молдавской Золотой

Судьбоносной Орды, покорившей весь мир в пределах видимости его

из чертогов стольного града Оргеева

центра вселенной

центра мира

льющего миро

на головы веры

отступников, лавиной несущихся по верхушкам самых высоких трав
 южной степи Молдавии времен ханства, крымства, хамства
 разбоя и нападений

рабы, рабы, молдавские рабы
 рады ли получить вы сотни три – четыре, раньше угоняли насильно
 теперь самовывозом
 сейчас молдаванка бежит за конем, умоляя турка приторочить к седлу
 а если еще и с ребенком, так и ногу поцелует
 раньше в лесах прятались мужчины, теперь сами
 к дороге вприпрыжку – возьмите, возьмите, не нужна ли
 пара рабочих рук? пара рабочих глаз
 пара рабочих
 рабов

-

- 15 –

у нас много общего: меня и Истории
 я часто использую осколки старых, ненаписанных книг
 неудавшихся, не получившихся, не состоявшихся, не оправдавших
 надежд, вместе с которыми они были отправлены на покой
 я вставляю эти осколки в новые книги
 черепица из сосуда второго века нашей эры как орнамент на сосуде 5-го века
 история, как и я, ограничена в средствах
 промоталась – банкрот,
 как и я, она задыхается из-за ограничений в использовании материалов
 количество материи ведь постоянно
 оттуда взял, чтобы здесь прибавить, но там-то отнялось!
 Когда я пишу одну книгу, получается, я обкрадываю свою другую книгу
 я сам у себя ворую, как история,
 сам себя обкрадываю, конокрад, цыган и плут
 ханыга ханаанский
 но я себя за это люблю, самовлюблен как история
 во мне одном уместились средневековый плутовской роман, что-то азиатское
 и разбойничье
 в принципе, и этим я похож на историю, она умеет так пошутить:
 на одном конце Земли порох, оружие и каре пехоты, а за водичкой
 плещущейся между кусочками землицы, живут племена каменного века
 где-то посередине разлагается феодальный строй, в углу жметесь верхний неолит
 а голландцы, ну, те всегда торопились, уже завязывают

на шнурах узелки буржуазной порядочности, хапужничества и жажды денег
 о, эти голландцы, ох уж, эти голландцы
 гууллиты и ван бастены морского пиратства, обаятельные скряги
 с золотыми метками на рукавичках
 варежках
 шанежка и снежинках, плавно
 ложащихся на лед, сковавший залив, где торчат корабли
 Уленшпигеля –
 самого знаменитого молдавского литературного персонажа

история тоже кладет слой за слоем, слой за слоем, как я свеклу на селедку
 в картофельной шубке
 кладет и месит, заместит и кладет, вот неугомонная ханыга Ханаана,
 украшенная орденом первоозванной Анны
 поверь, это ничего не значит, история самовлюбленная особь
 как я
 она сама себя награждает орденами и титулами
 Лондон стоит на стоянках каменного века, Париж лежит на деревушке Среднего
 Средневековья, цевья и ковьят татарских копыт там тоже лежат, да-да
 это наши, это посланники Золотой Молдавской, Цыганской, - потому что где
 золото, там и цыгане, -
 Орды, приехали прискакали, при – ско-ка-ли, посмотреть на поля
 Елисея, поглядеть на Сену в снегах, а где-то Роберт Парижский
 Плачет, слушая музыку колоколов 12 века, отлитых из найденных случайно
 бронзовых статуй века 9-го

плачут и кружат снежинки вьюги молдавские – солнечное гостеприимство
 нашей земли поздняя выдумка для туристов из Прибалтики
 а пока еще смурно, а пока еще тихо, а пока еще
 снег
 лежит на Карпатах, и осыпается
 с них
 на Молдавию как с шапки на плечи осыпается
 когда навалит на путника в пути, странника в странном, ходока в ходьбе
 дурака в дури
 снег валит и валит с шапки Карпат на плечи моей страны, на мои, стало быть,
 плечи, и я зябко дергаю плечами,
 как дорогой заводной механизм, в костюме Санты Клауса, что стоит на
 перекрестке улиц
 Штефана Великого и Александра Доброго и тренькает цветными колокольчиками

каждое 25 декабря каждого года от сотворения мира
я тоже заводной Дед Мороз, я Санта Клаус, но это будет позже, а сейчас я
в Молдавии 19 века, засыпаю на снежном шляху без пылим, без дров и без запаха
ополоумевший, очудевший, а навстречу мне идут трое валахов
настоящих валахов, старых добрых, русых, голубоглазых
стопроцентных валахов,
не мелкого нынешнего племени полу-турецкого
и за ними идут три коровы, две овцы, и в руках у них по стакану брынзы и по
куску вина, это пастухи, но мунтенца среди них нет, и я понимаю со вздохом
что убийства сегодня не будет
и «миорицу» разыгрывают где-то в другой части моей северной Молдавии
а того подростка, что идет первым, зовут Крянгэ
Ион
и он
позже он напишет и обо мне в своих самых чудесных
воспоминаниях детства, напишет о куске мамалыги, который скользнул нам в
горло без масла, о дереве, которое мы подожгли, и дегте, о пятках, о денежке и
кошельке и веселом котенке, и о дровах
обо многом напишет, и умрет, счастливый
но тогда я не знал, что ко мне из снега выходит рубин молдавской литературы
я думал, это три волхва, а я младенец
но они были не столь пафосно настроены
и не привели ишака, и не построили ясли
пришлось мне самому лезть в свое стойло, пришлось мне самому кричать
глядя в небо
выискивая ту самую звезду, которая зажглась как-то и привела
на эту землю не троих волхвов, а предков
нынешних, - 19 века, - волохов, - неисчислимы лавины татар
Золотой Молдавской орды с Синими Бородами

я плакал, жуя солому, когда они спали, потому что я знал,
что лучшая Молдавия, Молдавия 19 века, моя неторопливая и обожаемая
уйдет вместе с этими снегами, и мы получим
300 тысяч расстрелянных евреев, и 50 тысяч замученных цыган,
12 тысяч сосланных и небывалый подъем в промышленности
а потом и он уйдет со следующими снегами, мне ужасно не хотелось
всего этого
но я, хоть и плакал, смел совком этот снег, и все пошло своим чередом
чередой ран, чертополохом боли
переполесницей располосованных шрамов спины

плетку с металлическими когтями на концах ремешков
называют кошкой

мягко, по-кошачьи, она гладила спину Христа

о смерти и воскрешении, - впрочем, недоказанном, и потому
неочевидном, - которого в наши края забрел проповедовать святой Андрей
Первозванный, не званный, сватанный венчанный
вопреки слухам, его не распяли в Риме вниз головой, не распяли
в Далмации головой вверх, и даже не распнули в Иллирии головой набок
все это чушь и вымыслы домысливаемые хронистами позднейших времен
врунами и сволочами

не могу же я отзываться о конкурентах спокойно

на самом же деле Андрей первозванный, пришедший проповедовать нам о Христе,
собрал народ у холма, который сейчас
зовется «черепаха»

вот забавное совпадение, одна из фигур построения при штурме
крепостей у римлян, участвовавших в этом неприглядном распятии, звалась
«черепаха»

но наша «Черепаха», которая холм, она вовсе не из щитов, сложенных плотно, так
плотно, что и стрела не пройдет, я говорю о плоском наконечнике, разумеется, -
она сложена из земли, и ее крепко держат над собой как щиты, травы
деревья, растения

и на всем этом возвышался Андрей как Патрик в Ирландии, а внизу стояли
чумазные бледные аборигены, их было мало, потому что земли
малонаселенными, малосольными были

и Андрей поднял руку, хоть и так было тихо, и открыл было рот, но туда залетел
жаворонок, а Андрей

был чересчур добр и неэпатажен чтобы вот так погубить ни в чем не виноватую
птицу,

и совать руки в рот он считал негигиеничным, и был в чем-то прав,

поэтому ему пришлось ждать, когда жаворонок улетит, и за это время Святой о
многом подумал, глядя на измученных аборигенов в мешковинах внизу холма

да ладно, сказал ему Иисус, - в смысле, он сам себе, но поскольку любой

внутренний голос ученики принимали за Его, то будем считать, что это все сказал
Иисус

брось, Андрей, до того ли им, оставь бедолаг в покое, их жизнь

одни страдания и страх, дай им надежду, дай им веселья

что ты сейчас им станешь прогонять и втирать в душу мои страдания, как

болочую мазь, а Андрей ответил Христу, то есть, самому себе, ну, вы помните:

ах, Иисус,

велик искус

что слаще уластить сахарны уста
твоим повелением

И когда жаворонок – раззява вылетел из разинутого рта, Андрей хохотнул коротко
и накоротке пообщался с народом, сказав лишь:

- Добрый люд, я приехал в ваши места жить, деньжата у меня водятся, с меня
так что бочка вина на трех молодцев, и сто поцелуев на двух девиц, а с
замужними дамочками мы разберемся!

И начался пир горой на горе «Черепаха», которая с виду ничем не уступала
Голгофе

Великая лысая гора, с которой сейчас виден весь город Кишинев, который
начинается сразу за домом «Ворота города»,
которые начинаются за холмом

«Черепаха»

славный холм

тут мне и висеть на кресте

говорил себе тайком Андрей вина подливая

а Иисус лишь улыбался сверху, потому что знал –

Андрею суждено долго быть, и смерть от воспаления легких на 104 году

Так оно и случилось, и ни слова о Христе и его учении Андрей так и не сказал
туземцам древней Молдавии

а занесли сюда это поветрие только гемузские купцы, в 18 веке,

которые приехали покупать рабов, рыбу, рынду и рытвины пути в придачу, -
дороги у нас спокон мезозоя ужасные

на холме же «Черепаха» было суждено быть распятым много позже и не святому
Андрею, а его антиподу

мне

стоит ли упоминать что времена

близки и гром скоро грянет и капля сверзится

и вопль на горе вот-вот

грянет

погремит и перекрестится, все ведь не так страшно, как со стороны

ну, ветры продуют, дожди размокнут, крест пришпилит

ну, ноги сломают, чтобы удостовериться – мол, умер

а потом все уйдут, и холм опустеет, как я люблю, и разводы грязи будут, как
в калейдоскопе у ног меняться, а я глядеть, как в калейдоскоп

тут только форма, - не цвет, - играет

а потом подниму голову, и моргая, течет же, спрошу, ну?

И он спустится меня снимать, не спеша, по стремянке за 500 леев
(потому что б/у, а новая бешеных денег стоит, не напасешься!)

неторопливо вынет гвозди, подкидывая каждый, раздумывая – можно выпрямить и пустить в строительство, или сохранить как лом поможет встать, размять шею, но главное, руки

- ты представляешь теперь, какая ужасная нагрузка на грудную клетку ложится? - спросит меня

а потом утешит, ну, не плачь, но мне все равно будет горько и слезно за что?

зачем ты меня забираешь от них?

я молдавская история

история –

я

-

- 16 –

несносному молдавскому инфанту Де террибль, стилисту и вряд ли писателю, но творцу текстов Бегдеберу

позволили порносцену в окне, ну, вы понимаете, в спекулятивных Windows

а мне нет, две порносцены из двух романов вырезали, что ж вы делаете-то?

спрашиваю издателей

он француз, а они народ галантный, и от них все ждут нечто чего-то такого

в этом роде

понимаете? нет, не понимаю.

Галльский петух, огонек в глаза и штанах, все такое...

А вы молдаванин, от вас ждут чего-то солнечного, но в то же время

меланхолического и мрачного, порнографических сцен от вас не ждут, увы

это не прерогатива вашего народа

да вы с ума посходили все, мать вашу, порнография это единственное, благодаря

чему мы уцелели

единственное

единое в лицах

триединые в теле

сожалеем!

ну, хотя бы то место, где вице-спикер трахает гадалку?

нет, и нет!

тогда где националистка и шовинист трахаются в зад, и грязно

ругаются при этом?

простите, очень жаль.

а, чтоб вас!

вот, говорят, делайте, что хотите,
 а я говорю вам – хотите то, чего делаете
 и ныне и присно не забывайте о том, что порносцены
 внесли выдающийся вклад в развитие постиндустриальной
 молдавской литературы
 чего уж там, в Молдавии за одну порносцену
 три постмодернизма дают

- 17 –

Любовь к порнографии, отключенным попкам
 Пухлым задам, ярко и розово торчащим
 Из освещенных парадных, подъездов
 - назови как хочешь,
 в общем, из мест, где ведут фотосессию, и куда
 в самый разгар
 врываются мины, влетает полиция нравов, немножечко соли
 немножечко горько, как все по-английски! жалко, что только
 в полиции нравов
 нет конан дойла
 девицы визжа убегают, на марше
 спасите, спасите
 за воплем несутся, по радуге
 сложенной как-то в кладовке Земли
 на краю, у Атлантов, они, кстати, тоже голенькие!
 стоят, мышцы напрягшиеся, сдается мне только
 что девушки там органичнее
 смотрелись бы
 шесть пар грудей, три задницы, игривые лобки, улыбки,
 слюна и влажные губки, и я
 щекотал бы их
 впрочем, погнавшись за воплем девиц я махнул на край света
 вернемся. Итак, вереща проститутки, несутся, по радуге, -
 на другом конце радуги клад,
 на другом конце клада радуга, -
 а я, вернувшись от края Земли
 где трое Атланток, смущаясь, терпели мои похотливые пальцы
 и кое-что еще
 но Землю не уронили, вот молодчины
 подглядываю за девицами, за их хохочущими прелестями
 щелкаю фотоаппаратом, как филин клювом

я вчера нашел филина, и это совсем другая история
и вот, проститутки, убегающие от нравов полиции, достигли другого
конца радуги

Где их встречает огромное улыбающееся семицветное Нечто
чей символ радуги украли педерасты
девицы немеют, и, как и все, кто повстречал Бога
визжат и получают свой первый в раю множественный оргазм
а я накидываюсь на одну, опоздавшую
вечно мне достаются самые задумчивые!

и мы барахтаемся в разноцветной пыли радуги,
катаемся на маковых зернах маковых росинок
макаемся в них,

я кончаю, сойдя с ума

она кончает, спрыгнув с радуги

а после, чувствуя, как наши кожи высыхают

мы садимся к компьютеру

наши кожи стягивают высыхающие сперма, слюна и пот, -

они делают лучшую подтяжку в мире, милый, кончи-ка мне на лицо, а теперь
на грудь, вот так, милый, -

они подтягивают нашу кожу, они делают нас молодыми,

хочешь подтянуть чье-то сердце? брызни в него, и жди, когда высохнет

и мы заходим в интернет и скользим по чужим попкам, лобкам
лобкам лысым, как после химиотерапии

лобкам заросшим, лобкам с полоской, лобкам мясистым и костлявым

лобкам прекрасным, как Лысая Гора, на которой распяли Христа

лобкам страшным и заросшим, как Масленичная гора, где он размышлял

мы скачем по ним, как лобковые вши, виртуальные наездники

и ты упрекаешь меня в любви к порнографии

к пухлым задам

мясистым ляжкам, к плоти, телам,

ярко и розово торчащим

но мы все равно продолжаем глядеть

переходя из вагины в вагину

жизнь малина, все доступно, лишь

не забывай про пароли, доступ, аккаунт и, конечно

главное, не забыть про принцип

не младше восемнадцати
 оборотов вокруг прекрасной порно модели
 по имени Солнце чье междуножье
 зализала до лысин
 жадный зритель
 Земля
 это
 конечно
 я

- 18 -

почему я так много об этом думаю?
 эй, почему ты так много об этом думаешь?!
 что такое Молдавия
 страна, куда одних неотвратно тянет, других от нее тошнит так
 что брызги их блевотины, в том числе и словесной, достигают края Земли
 где под ее тяжестью пошатываются две облапанные мной Атлантиды
 нет, три, ну, не буду жадничать, пусть будут две
 подобным образом мужчин тянет только лишь еще к одному объекту в мире
 вагина
 разумеется, я говорю о вагине
 только к ней может так тянуть, когда ты ее хочешь, и от нее так пресыщаешься
 когда получил
 добавьте к этому темное подсознательное нечто, связанное с бегством от вагины,
 как от матери, добавьте к этому -
 чего только не добавляйте, а результат, получается,
 один
 Молдавия – пизда мира

о, как и всякая пизда, она обладает еще и таким свойством – выталкивать
 глупы те, кто обижаются на Молдавию, говоря:

- эта страна вышвырнула нас, и мы были вынуждены
 покинуть ее края и пределы, потому что края и пределы нашего терпения
 за пределами от края до края заполнены
 Молдавия выкинула нас за свои границы
 не мать, но мачеха
 много чего еще говорят, но я знаю, что они
 слепцы
 глупцы, и
 кретины

да, да, это вы
она вас не вышвырнула, не выкинула, она
родила вас в мир

Молдавия – пизда мира
а холм «Черепаха» за Кишиневом - это ее бритый
по последней, - я тщательно слежу за самыми последними веяниями, - моде лобок
пророк на лобке, вот кто я, и это вполне меня устраивает ,поскольку я
отношусь к той категории лиц, что влекутся вагиной безмерно, тягостно и властно
только о пизде и думают
их влечет к ней сильнее, гораздо
сильнее, чем ушки Одиссея, залепленные воском
тянулись к голосам сладких Сирен, певших
без сомнения, пиздой
потому что только она может петь так сладко, что ты бросишь
корабль, снасти руль и пойдешь в воды
вод
бросив книгу книг
царства царств
все от всего и меру всего
лишь бы
войти
бы

сильнее этого только любовь
когда она есть

- 19 –

Я влюблен в девушку, чье лицо
красуется
в галерее «Лица русской литературы»
и не скрываю этого – ведь любовь моя очевидна
как скрыть то, что наружу?
ни геморроя, ни любви ни сыпи
не скрыть
ты говоришь, что ревнуешь, а я возражаю
какого хрена? Это всего лишь лицо.
обрезанное сразу под подбородком

он такой красивый, совсем не мужественный
но и не безвольный...
ее лицо заполняет всю рамку
только лицо и все, пустота
но мне кажется, что у нее большая мягкая грудь
это внушает
надежды, иллюзии, веру, просто внушает
наконец
мы не знакомы, я даже не знаю

    правда ли у нее большая и мягкая грудь
но люблю думать об этом

    - а еще об истоках христианства, - видимо
тут что-то связано с матерью и Богородицей
я люблю думать о ней, читая желтые газеты, я ведь и правда верю,
что в них пишут правду для избранных
сотрудников Инопланетного центра размещения
вновь прибывших марсиан на Землю
и для красивых девушек, чье лицо
    и воображаемая мной грудь
колышутся словно сквозь воду навстречу мне
из галереи «лица русской литературы»

интересно, был ли Иисус бродячим раввином?
вот первое, что я спрошу у нее, у девушки
с мягкими большими глазами, -

    - разве может у такой быть другая, чем глаза, грудь?
у нее очень известная фамилия, мне кажется
она войдет в историю

не знаю, не понимаю в этом ни хрена

но мне нравится еще ее стрижка, короткая, но женственная
такая милая на фоне кирпичной вечерней Москвы
я очень люблю ее

я люблю тебя

    я без ума от тебя

    от твоих волос, груди и глаз

    приди ко мне

    дай мне

я умираю,

я люблю тебя

мне наплевать на твой внутренний мир
я буду им, а сейчас я хочу лишь
твои волосы, твою грудь, твои глаза
которые я люблю, поверь
этого достаточно, чтобы
написать поэму, стреляться,
пойти на курсы английского,
выучить язык глухонемых
купить Библию,
разочароваться
жениться, влюбиться еще раз
стреляться, развестись, пойти в кругосветное плавание
поплыть в кругосветную прогулку
подпрыгивать с каждого третьего шага
переступать каждую ворую плитку
не замечать каждый пятый шов
ползать перед тобой
или подарить сухие цветы зверобоя
твоей сестре
которую я тоже люблю
потому что она очень похожа
на лицо из галереи «лица русской
литературы»
я говорю о твоём
лице

- 20 –

я прерываю свои излияния, потому что слышу топот
пожалуйста, спрячься в моей груди вырви
сердце
займи его место
никто ничего не заподозрит тогда
слышишь топот? это конница
это нашествие
прячься!

у меня в глотке застряла жирная пыль кишиневских улиц

по которым скакали татары на жирных мохноногих толстых
лошаденках, похожих на беременных пауков
ты ела конину? спрашиваю тебя, но ты нелогична.
говоришь – фу, не спрашивай!

а ведь я уже спросил
татары скачут и скачут, а мы с тобой
коренные, уроженцы, обитатели, как там еще
кличут вырезанных жителей в грамотах, хрониках и статьях?
Прячемся в подземельях под рекой. Называется Бык.
тогда, в 13 веке, еще река, мы прячемся в ходах под ней –
широкой водной артерией, только полосни по ней веслом,
сразу водичкой брызнет! как кровью
она была широкая, могучая, и по ней плавали суда
но все это раньше, не сейчас, но ведь
мы и говорим про раньше!

я прячусь в подземелье, и зажимаю рот себе, тебе, малышу
и шепчу устало потолку, который поверхность земли:

- как вы достали меня! татары на мохноногих конях!

и мы собираемся было вылезти наверх, но татары все скачут
кони все грохочут по мостовым, которых пока нет
и мы передумали, лезем обратно
татары, почуяв приближение чума, прячут клады
золотые монеты, ножи и сабли, и обращаются в пыль
передав поводья вновь прибывшим, кто там?

Сегодня – поляки

нет, с этими шутки плохи, не лезем наверх,
а поляки, открыв Польское кладбище
тихо хоронят друг друга там, на холме, и передают поводья
новым... ну, еще успевают открыть свой костел
турки, вырвав поводья, открывают пару-другую застав
вводят тройку-четверку налогов...

значит, ишачить придется все больше! что ты смеешься?

женщина, тебе не понять, как лом выкручивает руки

дольше всех продержались русские, да и те
спеклись, и лежат вместе с предыдущими
где-то под землей, чуть ниже травы, и чуть выше нас
спрятавшихся обитателей подземных ходов
и шепчут, шепчут (а мы-то слышим) друг другу
какого черта? Как нас сюда занесло и зачем?
может, спросим у местных?

ах, если бы мы сами знали, отвечают местные
мы и сами не понимаем, как и зачем нас сюда занесло,
гиблая землю, гиблая
только и годится на то, чтоб в ней прятаться...
мой малыш играет, ты от земли посерела
но я все-таки думаю, что это не помеха
нам сделать еще одного
и щупаю свою щетину, и вижу
что за четыре сотни лет подземная пыль в ней свила гнездо
пылинки открыли плуг, колесо, построили пирамиду и город
написали три книги, провели две мировые войны
две резни, шесть мировых аутодафе, успели найти среди себя
провокаторов, врагов государства, написали конституцию, нарисовали
гимн, спели герб, не скучали в общем!
знаешь, я бы с удовольствием вылез наверх
на эти кривые улочки
усыпанные пылью тех, кто скакал здесь
ходил и буянил, спал и пил, жрал и смердел
я все-таки люблю этот город
или нет, не так
я высосан этой землей
под которой люди прячутся, как клещи
под кожей больного животного
и у меня нет ни сил ни желания
ни воли
ни вдоха
ничего
кроме вас
ну, значит будем прозябать вместе
пусть в городе пустынно и гулко
глядишь, подтянется какая-нибудь конница
и мы снова полезем в ходы

нет, нет и нет, все было вовсе не так
слушай, на самом деле

Я досыта сыт жирной пресыщенной пылью
кривых кишиневских зигзагов,
по недоразумению названных улицами,
проспектами бульварами и трассами

украшенными..

*сама заткнись! мне очевидна вся нелепость
стихотворного сопоставления трасс и террас
ну, вот еще – капитан Гатеррас. довольна? мать твою...*

так вот, я наелся так, что переваренная блевотина
прет горлом

блевотина пыли, блевотина улиц,
по ним, когда их не было,

еще татары скакали на маленьких смешных лошадях
мохнатых малютках, похожих на паучков

а мы, обитатели города, прятали лица в подземных ходах
под рекою. Бык. Тогда еще река.

Под судоходной артерией, о, по ней плыли корабли
но то было давно

а сейчас я - в подземной, что под водной, артерии,
затаился, зажал рот тебе, себе, малышу

и лишь шепчу:

- как вы достали меня, татары на мохнатых пыльных конях!

от нашествия которых: татар и коней, и неизвестно
чьего больше, коней или татар,

прячемся мы: я, ты и малыш

и, знаешь, это длилось так долго, что пыль в моей щетине
успела обзавестись детишками, и открыть частную школу

написать конституцию, принять флаг, написать гимн
нарисовать герб

найти в своих рядах изменников, провокаторов

и врагов государства, расстрелять их

без суда и следствия

не зажить лучше, но знать –

все беды от них, чужаков...

но то пыль в щетине, а ты и я

еще нас обозначают словом «мы»

Так вот, мы, - не успев вылезти, слышали топот новых коней

И снова прятались

ни дать ни взять кустурица, подземелье

но мы-то знаем, что он был позер

татары спешилились, открывали базар, чайхану, заболевали чумой

и, почуяв черную смерть, отдавали поводья своих лошадей

вновь прибывшим,

а сами ложились на улочки города и умирали

вновь прибывшие, - на этот раз поляки, - открывали Польское кладбище
 и хоронили друг друга на холме
 ну, еще костел успевали открыть, и мужскую гимназию
 потом турки, открыв заставу-две, умирали
 успев, правда, наложить еще несколько налогов
ишачить приходилось все больше! Что ты смеешься?! Женщина
тебе ни хрена не понять, как ломит кости мужская работа...
 дольше всех продержались русские, да и те не сдюжили
 и все они сейчас, прячась под землей, как и мы, спрашивают себя:
 что это было, и зачем мы здесь?

и все молчит в ответ: улочки, пыль, артерии, кони
 один я знаю ответ – эта земля с людьми,
 спрятавшимися под ней как клещи под кожей
 вытянула из вас силы, высосала из вас соки
 но и нам их не отдала
 я гляжу на тебя и знаю, что мы с тобой
 тоже станем пылью на кривых улицах татарской деревни
 Кишинева
 Если бы я был Дино Буццати, я бы назвал его пустыней
 но дино буццати станет мой правнук, когда уедет в Италию
 по дороге рабов
 если он уцелеет и ему повезет
 то мальчик станет человеком, станет
 раскатывать асфальт
 я думаю о его судьбе
 и не верю, что, когда мы вылезем из-под Быка
 они, улочки, опустеют
 непременно ведь прискачет кто-то еще
 непременно, любовь моя
 непременно...

- 21 -

но ты не беспокойся за меня, на то и есть мелочи
 нас раздражающие, чтобы мы отвлекались от глобальных проблем
 так что все нижеописанное ниспослано мне во искупление
 для раздражения
 отвлечения от главной боли, внутри меня, ее я сам
 причиняю

а это все – так, наркоз местного действия
тем не менее...

меня заебал тот олух царя небесного,
что плывет по третьей дорожке
отчаянно раскидывая локти, мы, опытные пловцы, называем это *жертва в лапах садиста*

опытные пловцы, впрочем, меня заебали тоже
вечно плывут, аккуратно вкладывая руки вперед, будто енот, берущий подачку
от посетителя зоопарка, где меня заебал,
кстати, вполне весомо и ощутимо веско...

*обладатель машинной подвески
или драгоценной? Анне Веске?*

*не обращайтесь внимания: это меня одолел рифмы бес
я мог бы скаламбурить, обозвав его без рифмы-рифмы бес
но меня одолел бес рифмы, а не бес каламбура
тот меня просто заебал, почти как олух с третьей дорожки!*

...хранитель серпентария, что не позволяет
глядеть на змей, ужей, крокодила и прочую гадость
они не заебали меня потому, что мы видимся достаточно редко
о, если бы это была веская причина, *нет, нет, нет!*
ни слова «веский», в голову лезут подвески!

итак, пресмыкающиеся меня не заебали лишь из-за того
что их нет в моей жизни, а нет их из-за заебавшего меня
чудака из зоопарка...

о боже, нет, только не слово «припарка»!
*я ведь пишу нормальный стих, без всякой там рифмы
заебала она меня, заебала, хватит, кричу я, и сжимаю голову...*

нет, говорю я себе, сынок, если ты так неупорядоченно будешь перечислять
все это, тебе вовек не добраться до дна колодца
итак, сядь поудобнее и разгибай пальцы....

Итак

сегодня утром

меня заебали: советник президента Молдавии Марк Ткачук
нет, он вовсе не тот олух с третьей дорожки, хотя, я уверен
он бы так же разбрасывал руки, барахтаясь
на пути опытных пловцов типа меня
и меня заебавших же
меня заебал президент Владимир Воронин, и это очень личное,

не вздумайте одергивать!
 я не пропитан гражданским пафосом
 но когда ты президент и ты заебал даже тех, кто не пропитан
 пафосом
 это повод по меньшей мере задуматься
 олух из зоопарка меня заебал тоже
 и олух, который не закрывает дверь с новейшим цифровым замком
 на моем подъезде
 засов моего Грааля
 и та блондинка, которая хочет чтобы я научил ее
 прозу писать, а спать со мной не хочет ...
боже! прозу... мне и стих не поднять... одно «дрочит»
на уме, ну, ясное дело, поэтому я и кривляюсь тут
с подобием верлибра заебавшего белый стих
 и вот я сижу на полу голый, сильный и мускулистый
 станешь тут таким
 обгоняя пять олухов с третьей дорожки и конкурируя
 с опытными пловцами с пятой
 и думаю, что зло можно победить, только сунув его в мешок
 и утопив,
 и я леплю из пластилина куклу...
 Это очаровательная блондинка, ее зовут советник президента Молдавии
 Марк Ткачук, но на самом деле она – олух царя небесного из зоопарка,
 Что не пускает меня посмотреть на змею-альбиноса
тут надо бы вернуть что-то про хуй. Про хуй?! В смысле?
ну, змея, символы все дела... Знаешь, что, внутренний голос,
ты меня тоже заебал. Заткнись!
 А в глубине души этот олух – вовсе не олух из зоопарка
 а сам президент Владимир Воронин, который из дома выходя,
 не закрывает замок на новейшем кодовом аппарате
 и едет на бассейн, где специально прыгает в воду на третьей, лидера
 - моей!
 дорожке, и плывет, разбрасывая руки, как раздерганный паяц. О!
 вылепив куклу, я прячу ее в мешок, и еду топить
 но на переходе меня сбивает автомобиль
 красный, «Мазда»
 и я надеюсь, что он раздавил и куклу и им всем
 придет конец
 вместе со мной
 бульк

и все бы хорошо, но в лицо мне, из-под яркой лампы
 глядит врач в белом пажеском беретике
 и говорит:

- долго ты приходил в себя!
 я что, жив, спрашиваю
 а как же, отвечает он, как же,
 ведь конец тебе придет на холме «Черепаша» при обстоятельствах, тебе
 уже известных, и тобой описанных
 послушайте, слабо сопротивляюсь я, цыганка нагадала моей матери
 что я утону, так оставьте меня в покое
 это наверняка, потому что она предсказала еще три вещи, которые сбылись
 но о которых я вам рассказывать вовсе не обязан
 так или иначе, а ваша чертова гора мне не грозит, поскольку я
 утону, понимаете
 утону!

он глядит на меня внимательно и кивает:

- да уж, в этот день польет
 как из ведра

недалека агония
 агонией
 буду
 я

- 21 -

не найдено, не брошено, не вырвано, не пройдено
 ничего, из того, что предназначала
 цыганка, заменившая собой судьбу, да и цыганки никакой не было, ее
 в 1943 году скинули в ров под столицей Золотой Мордвы, Золотой
 Молдавской Орды, стольного города Оргеева, и засыпали негашеной известью
 с доброй вестью
 отправили к Богу, да того нет, поэтому просчитались
 но пятьсот золотых монет, которые она с месяц глотала в лагере ожидая смерти
 цыгане народ запасливый, куда хуже нас, молдаван,
 ушли вместе с ней под известь, в ров, старинный
 надо ли говорить, что патлатая сука-История не дала вырыть новый ров палачам
 а просто взяла старую игрушку

да приспособила под новые нуждишки
 это было старинное ирригационное, а впоследствии фортификационное
 сооружение
 сооруженное сначала дикими Ордами монголов
 и использованное впоследствии турками
 а в середине 20 века в него складывали цыганву и жидов, от которых продохнуть
 не стало, и сыпали на них известь,
 понаехали, блядь!
 и все плакали, а кто не плакал, начинал потом пить, но что меня веселило
 больше всего и всегда – ни один из ста двадцати отказавшихся от экзекуций
 солдат
 не был не то, чтобы расстрелян, а даже наказан
 хоть их и называли трусами за то, что они отказываются выполнять неприятную,
 нелицеприятную, но такую нужную для рейха работу
 впрочем, местные жители и румыны вполне с предостаточным удовольствием
 делали то, что отказались делать 120 немцев
 справедливости ради отмечу, что тех немцев, которые не отказывались, было
 гораздо больше
 так или иначе, но мы с подружкой-Историей, расцепив чресла
 приходим к единому мнению, что
 иногда нужно, знаете,
 иметь мужество проявить трусость

много вас таких мужественных,
 так много, что, струсить некому, -
 понаехали, блядь!

- 22 –

поцелуй меня нежно в губы, и лизни меня нежно в щеку
 если я когда-нибудь сгнию в твоём теле под Оргеевым, -
 - я знаю, кем вырасту
 персиком, лысым персиком, лысым, как бритый
 по последней моде лобок
 очаровательно гладким, гладковыбритым, очаровательным
 так приятно есть персик, отмытый
 от пены, самой последней, новой и потому дорогой
 щетина загнана под кожу
 щетины ни видно, не слышно, - прямо совсем как
 тех понаехавших, которых складывали во рвах и закапывали

я хочу знать, почему мы отводим глаза, когда заговариваем об этом,
 меня поташнивает от запаха фаршированной рыбы, но неужели
 этого достаточно для массовой экзекуции
 мы хуже турок, те хоть говорят, что не виноваты в геноциде армян
 а мы о своем молчим
 молчание приводит к повторению – это аксиома
 простейшей мысли, почему мы не простейшие как инфузории
 нас пытались убедить в том, что евреи и цыгане виновны во всем
 в сороковом
 как
 приднестровцы в девяносто втором
 и как русские сейчас
 но я хочу спросить – стадо тупых баранов, по ошибке именуемое себя народом,
 сколько еще трупов, закопанных во рвах, нам понадобится, чтобы понять еще
 одну аксиому – источник страшнейших наших бед,
 - это мы сами

мне говорят: ты живешь прошлым, ничего подобного
 не случится больше, это же двадцать первый век
 но я хочу спросить вас: почему в этой стране ужасы средневековья лет
 повторяются
 регулярно каждые пятнадцать- двадцать?
 я понимаю, бляди и проститутки, что вы не по злобе разжигаете этот костер
 что все вы, в сущности, славные парни
 тем хуже – ваши глумящиеся морды дымят
 обещанием дыма из печей
 концлагеря

об этом никто не желает разговаривать, это называют бреднями,
 но все молчат, или несут чушь, а потом опять молчат
 приятно, знаете ли, замолчать в некотором роде постыдную вещь
 вещь в себе
 ненависть, а я не хочу думать ни о чем
 кроме твоей груди четвертого, - но сдастся, ты меня обманула,
 наверняка пятый, -
 размера
 такие с одного раза хрен известью
 засыплешь
 на таких урожай богаче молока и меда
 что по святой Земле

текли
 той самой, которую обещал всем участникам
 крестового похода ди-джей и резидент той вечеринки
 Папа Римский

легко лить слезы на могиле цыганки
 тому, кого ни разу не обокрал в поезде табор
 легко
 эта легкость пугает
 позвольте мне оплакать и тех, и этих, дать и вашим и нашим, - побыть, в общем,
 настоящим молдаванином, - обернуть и так, и этак, накормить волков отходами от
 овец, и благословить их всех пастырским посохом Андрей Первозванного
 он подарил мне его, сдав пост у «Черепахи», сказал:

- бери
 что мне оставалось
 я взял
 и
 понес
 нес, нес, покатыл и разбил
 вылупилась ветка

- 23 -

мать – кукуруза
 эту обрядовую песню я хочу посвятить тебе
 обрядовую песню латиноамериканских крестьян до нашествия инков в Анды
 что уж говорить об испанцах, те вообще пришли на десерт
 ведь на самом деле настоящие крестьяне из Анд живут в Молдавии
 мы так долго и много едим тебя
 мать-кукуруза,
 а ты так долго создавалась глиной Месоамерики, что
 мы теперь месоамериканцы
 и Пополь-Пух это моя национальная песня, мой гимн
 моя трагедия, и собаки, бешено лающие, грызут
 мои пятки, о, мои, и это мое сердце колотится с ними в пыли
 и это себя я ритуально обезглавил на рассвете у самого прекрасного в мире
 горного озера
 а потом мое тело засыпали золотым песком, как вишню сахаром
 или персик

я сладкий фрукт, тот еще фрукт, мать кукуруза, уж ты-то должна понимать всю двусмысленность этого признания, уж ты-то, злак, знаешь настоящую цену фрукту, знаешь, что нет ничего безалабернее яблока, а уж о манго я не говорю вообще только овощи и злаки могут быть серьезными, к примеру разве кто упрекнет картофель в беспечности, или в беспутстве - капусту

мать-кукуруза, ты заслонила мой мир своими початками и листьями шириной в ладонь сборщика табака, которая почернела от сока табак и кукуруза, кукуруза-табак, дело швах ну, почему именно мы получили две самые тяжелые для выращивания и сбора культуры?

кукурузы лист широкий трепещет, кукурузы початки забиты зернами как обоймы патронами желтые зерна целятся острием головок в ваши сердца древняя молдавская легенда индейцев Месоамерики гласит, что еще до прихода человека-зубра из Кодры бывало поверье у жителей Тченотчитлана, будто стоит зайти в кукурузное поле, желтеющее, как диск Солнца *проклятое солнце, да я ради подсолнухов даже не беду тебя терпеть, погоди ужо у меня!* над озером, где топят детей и пленных Эль Дорадо ванная утопленников жертвенный колодец который есть в центре каждого кукурузного поля Молдавии только забреди туда, шелестят листья в ладонь сборщика табака вот мы тебя ужо... так вот, стоит зайти только в это поле, как початки пошлют в тебя зерна зерна-стрелы, зерна-пули, зерна-патроны, зерна-лучи и ты упадешь, прошитый насквозь миллионами желтых кусочков не сваренной мамалыги и ты падешь на землю жертвой несварения, поэтому знай - несварение это признак знак знамение знамени, осенившего ознаменование самого худшего, что может с тобой случиться

в кукурузном поле
поле желтой хвори

очень давно, пританцовывая и хлопая по бедрам в такт
своей худобе
по Молдавии брела мать-кукуруза
голова ее была украшена перьями птицы дрозд, а лицо разрисовано
лучшей цветной глиной Мексики, в ушах цвели ракушки, в которых прятались
еще живые
мелкие морских чудовища, креветки, а на правом плече
восседал сам орел, ну, тот самый, который у кактуса, а дальше вы знаете, и нужно
ли добавлять, что в когтях он держал змею
мать-кукуруза, везде, где ты пляшешь, остается немного твоих косточек
твоих желтых зернышек
мы собираем их, не глядя тебе в лицо, потому что всякий кто туда глянет
навек уйдет танцевать в эти поля с тобой, и матери прячут деток
заслышав, как стучат сухие семена из тебя
мать-кукуруза, скажи, когда мы наедемся досыта
напьемся вволю
мы голодны,
вот вам семена, вот вам злаки, ешьте и пейте, и я не в обиде, что этот бродячий
раввин украл мои слова
мать-кукуруза, спрашиваю я, отстранив голодных крестьян прошлого века, мать-
кукуруза, взгляни на меня, единственного, кто здесь не в постолах, взгляни и
ответь, когда мы наедемся и напьемся вволю, но не тебя

наши души хотят нажраться чести и собственного достоинства
наши души опухли без этой еды
стали неестественно толстыми и безобразными
наши души ходят пузатые и на тоненьких ножках
как страшные рахитичные дети, околевающие у заборов
они хотят пицци
что едят они?

вы умрете голодными, отвечает, танцуя мать-кукуруза, и перья на ее поясе
из самых редких и красивых птиц, переливаются переливчатым цветом
самым красивым цветом Земли
такой еще есть в Чернобыле, когда горят костры, где полыхает пламя
цвета, которого нет на планете Земля
но есть в огне чернобыля и на поясе матери-кукурузы

вы умрете голодными, отвечает она, ваши души
 так и останутся на обочинах, не допросившись подачки, милостыни
 ничего им не достанется
 что ж, значит, на то воля богов,
 поэтому кормите тела, и ни о чем не задумывайтесь индейцы новейшей
 Месоамерики –
 Молдавии

нам суждено исчезнуть, как индейцам той, старой Америки
 но мы не оставим после себя чудесных фигурок, ваз и пирамид
 только землю, на которой, может, появится новая сельскохозяйственная культура
 которая накормит весь мир
 для того были созданы индейцы Старой Америки, передавшие эти культуры вам
 это и есть смысл вашего существования
 ради этого вы и стали новыми индейцами, поет мат-кукуруза, танцуя
 и земля у стебля усыпана золотыми пулями
 как пол под юбками цыганки
 монетами
 пухом, Пополь-Пухом
 тополиным кишиневским пухом
 ватой канадских тополей
 прекрасными памятниками
 осколками песни песней латиноамериканских народом
 так что все путем, мой мальчик, смысл, какой никакой, а
 есть
 есть, пить, ни о чем не думать
 быть набухающей почкой
 стать почвой
 землей, густо навоженной и наряженной,
 напомаженной
 ярко блестящей слюной
 червя
 понял?

ну, хотя так
 мать

нет никакой матери-кукурузы
 есть только один, вездесущий и единый
 бог

трехединый то есть, простите, я все время путаюсь в показаниях
 показываю то то, то это
 только один бог, который очень любит древнегреческую трагедию
 больше ничего из искусства и литературы ему не близко
 и я очень понимаю этого Бога

драма, о, да, остальное дерьмо
 так или иначе, воспользуюсь оборотом-паразитом, - а Бог этот
 обожающий трагедию Афин, постоянно играет на сцене
 не то, чтобы он усиленно гримировался, так
 минимальный набор, присущий театру времен Аристофана
 несколько масок с простейшими эмоциями на глиняном лице, ну,
 рот раскрыт – удивлений, уголки губ подняты – радость, темная
 жемчужное пятно в углу глаза – печаль плачет
 ну, не самое длинное одеяние, и все,
 никаких тебе декораций, никаких занавесов, никаких костюмов, никакой игры
 лицом –

додумывайте сами, уважаемые зрители, какого хрена вы ленитесь вообразить себе,
 какое лицо было у Ромео, когда он почувствовал, что от яда его неудержимо тянет
 блевать, и он таки блеванул, и какое лицо было
 у Джульетты, когда ее кишки совсем неэстетично стали выпадать из разрезанного
 живота прямо

на бледного покойного Ромео, белого, как червячок, и тут
 ах, какая неожиданная неприятность
 в общем, древние греки понимали в театре, поэтому у них там никто не играл
 театр это вам не игрушки
 в задницу перевоплощение и вхождение в образ
 главное – текст, текст и еще раз текст,
 это я вам говорю, творец текстов, текстуальный воспроизводитель себя
 мой Бог презирает всю эту мишуру, он сторонник строгого, лаконичного
 театра древнегреческой трагедии
 и правильно, не хер тут!

этот Бог, который на самом деле один
 на полукруглой сцене, где топот ног стих еще шесть тысяч
 лет тому назад
 похож на городского сумасшедшего: вертится себе, то одну маску на палочке
 к лицу приставит, то отбросит и примерит другую

то он мать кукуруза, то Кецеотлакаль, то Ясон, а то и Иисус
 ну, а глупые люди, которые думают, что у них есть свобода выбора молиться
 разным, - главное, своим, - богам, - все молятся одному и тому
 же, глупцы, -

уже

их сознания бывает только прорезь в классической маске
 театра древнейших Афин
 туда и стрелой не попадешь, этого не сможет сделать даже
 русский из Пскова, наловчившийся снимать пса-рыцаря
 в шлема прорезь одним
 выстрелом

и вот он кривляется там, а я сижу на еле живой от старости
 скамье
 и говорю ему: господи, господи, вот он я, господи
 съешь немножечко моей плоти, отпей крови, пригуби хотя бы
 да, да, я именно об этом
 вот кровь моя, пей, вот плоть моя, ешь
 что же ты молчишь, господи, что бормочешь там, на сцене, с маской
 обрати на меня внимание, посмотри на меня, мне больно
 холодно, я сир, наг и убог, я пришел к тебе
 как первобытный дикарь
 без шкуры, мяса и будущего, я боюсь умирать
 но уже слишком умен для того, чтобы ни о чем не думать
 поэтому придумал тебя и загробную жизнь
 господи, господи, господин мой, вот он, я
 жизнь моя, кровь моя, плоть моя
 рифма на «я», «моя», что у меня еще есть за душой
 все твое, все поименно поименованное, перечисленное
 в приходской книге бога душеприказчиков
 я весь твой – я сдаю тебе себя, как имущество под опись
 пожалуйста
 приди и владей, только перестань бормотать
 дурным голосом что-то под нос про облака, птиц и лягушек
 неужели ты не любишь меня, не хочешь меня
 не снизойдешь к моей мольбе
 побыть немножко, рядом, чуть-чуть, присядь
 на скамейку, слышишь стук, это легионы
 римлян спешат стереть с лица земли наш театр
 нашествие татар

форменное нашествие татар с татарским бифштексом из фарша с яйцом, расплывшимся оранжевым колесом гудит театр, нашествие нашествие татар неотвратимо ага, я думаю о том же самом двое слабых людей – я и Бог, мы встаем, - ну, что за жизнь, неужели нас может сблизить только опасность, равнодушно и презрительно, - это от страха, - глядим на пыль клубками торчащую по сторонам дороги, вьющейся лентой на чреслах молодухи и выбираем клинки лично я предпочту тесак, а ты, Бог, возьми-ка эту трубу в Иерихоне, говорят, не подкачала ну, тогда не было смысла все это затевать, правда, говорит он, улыбаясь и выбирает палаш конника средних веков, тяжелый меч жандарма тяжелая рука сухопутной армады коней армада скачет в припрыжку вдогонку как в чехарду перепрыгивая через спины друг друга, а мы с Богом спинами прислонясь крутим в руках холодное оружие, о чем ты думаешь сейчас, спрашивает он меня, а я, не ощущая ни дрожи, ни ударов вены в горло, правдиво отвечаю – о том, что я буду думать когда лежа в траве Ботанического сада, что за холмом Черепаха глядя в небо, переглядывающееся со мной в прорехах осенних облаков буду осознавать, что умираю, ухожу, перестаю быть навсегда. Насовсем, о, мой герой, не покидай нас, о том, что я вспомню в этот момент, может быть, те книги, которые Ты написал моей рукой, рукой Бога, может, я вспомню те километры, сотни тысяч, которые плыл, и мысленно писал книги твоей рукой может, я вспомню тех женщин, которые меня очень любили а я отвечал им взаимностью, может, я вспомню всю радость, которую собираю в себя, как осадок от густой вишневой наливки в марлю, через которую cedят этот густой, тягучий от спирта и сахара напиток не знаю, мне бы не хотелось думать обо всем этом думать я бы хотел я бы хотел я бы хотел только обнюхивать лицо своего ангела, своего сына боюсь, Господи, ты подсунул мне его с какой-то определенной целью, вполне

предсказуемой, ладно, твоя взяла, я и правда перестал думать о себе
 больше, дети даются людям, чтобы они устали от жизни
 чтобы не жили вечно
 не дали бы тебе сына, не омертвела бы плоть
 ну и засранец же ты, Господи, и знаешь, что крыть нечем -
 потому что я люблю его сильнее, чем хочу остаться
 здесь
 на холме
 ты правда победил меня ожидаемым приемом
 глупейшим ударом левой, а потом правой руки
 и как я только на это попался?
 да очень просто, говорит Бог, ведь даже самого великого
 боксера можно поймать на простецкую «двоечку»
 если он устал драться и хочет поскорее
 с этим всем кончить

пора закругляться и нам, говорю я, смеясь
 вспомнил круглое божество Платона, смеется он
 а грохот у стен театра все сильнее, и вот на сидениях показались крюки
 и веревки
 сухопутная армада Золотой Монгольской Орды
 идет на нас, на нос, в нос, на абордаж
 в лоб, не обинуясь, и не минуя, неминуемо натыкаясь
 на острия нашего прекрасного и холодного как сухой лед
 оружия
 держи палаш крепче, маши тесаком шире, крои черепа резче
 ровнее держи шеренгу
 пронзай супостата напрочь, цель ему прямо в небо
 проткни наконечником глотку
 забей снаряд поглубже, потуже, сунь его покрепче
 как нож в междуреберье, на
 безножье и плоскость – подножье
 на безбожье и молитва божба

почему ты не боишься, мой мальчик, спрашивает он меня, когда мы отбиваемся от
 насевших на разрушенный театр древнегреческой трагедии варваров, ты ведь
 никогда не был особо храбр, это верно, мне не стыдно, мне и в покер смелости не
 выиграть, потому что не везет
 хоть убей не везет
 ну, раз ты просишь...

а еще не боюсь, потому что ты Бог
 потому что даешь, что попросят
 дающий Бог, ДажьБог – помнишь
 была у тебя такая маска в театре
 древних славян,
 еще бы не помнить, я столько девок попортил
 с ней у Днепра
 и на Влтаве
 небось, в теле лебедя нравился им больше, старый козел
 козлом я был, когда превращался в лебедя,
 верно
 так или иначе, а козлом им нравилось куда больше, поверь

мы вертимся колоколом, веретеном, мы сбрасываем с себя веревки и цепи
 штурмующих
 мы льем на них кипяток, сыпем песок с перцем, клеим горячей смолой, мы вдвоем
 целой армии стоит, и крепость наша все крепче
 раскрепощенное становимся только мы, ее защитники
 надежда и опора
 последний столп Отечества
 надежда Государя
 в общем, если честно, я не боюсь, потому что ты со мной
 а если с нами Бог, то кто же против нас
 кричат предприимчивые голландцы в романе великого молдавского писателя
 Шарля де Костера и присного с ним человека-зеркало
 человека-облако, человека в штанах
 а то и без, когда проигрывался в немецких кабаках

а сейчас я отойду на минутку, говорит Бог, - оставлю на время
 как ты меня оставил, когда ушел, чтобы родиться
 и, ах, я не успеваю даже высказать ему тонны своих обид и претензий, и
 мне некогда делать это, потому что натиск штурма усилился
 и я понимаю, что гибну
 гибну за чужие идеалы
 идеалы старого древнегреческого театра
 который, в общем, никогда особенно не любил
 за кучу камней, слепленных в скамейки и ограду
 невысокую сцену
 это все любил Бог, но не я, но он заставил меня
 драться за все это и, получается,

меня заманил в ловушку
как всегда я остался в дураках

и я, отбросив палаш, скрещиваю на груди руки и правда, -
по настоящему, -
успокаиваюсь, несмотря на разъяренные рожи врага
ну я и осел, ну и простак
боже мой, сколько можно было мучаться
безответной любовью к этому Богу, который только извозил меня
как кокотка, пустая шлюшка, играл, а потом
просто исчез, потому что подвернулась игрушка поярче
а может, ему просто все надоело, и даже новых игрушек нет
он просто уходит, и все тут

и, как настоящий безответно влюбленный олух Царя небесного,
ты мучаешься этой безответной любовью к Царю небесному
ты весь у его ног, ты предан ему, ты ловишь
каждый взгляд этого тирана
это кокотки
ты готов на что угодно, твоя кровь густеет и кипит
как дурное зелье
она даже на ощупь становится скользкой
это вены кровоточат внутренней кровью крови
ужасное зрелище, скажу я вам
ты бредишь, ты мечтаешь, как вернешь утраченную красавицу
думаешь, как она изменит свое мнение о тебе
надеешься на чудо, плачешь, рыдаешь как баба
а она, эта баба, о тебе даже и думать забыла
и даже при встрече, сморщив носик, только и скажет:
- ах, так это он? вот увлечение прошлого сезона
проклятый, блядь, Бог, так и поступает, так и делает
и постепенно хоть ты и сумеешь излечиться от этой ужасной хвори
безответной любви
которая не иначе как страшной заразой через клещей передается
все же в твоём теле остаются рецидивы заразы
это как лихорадка, которую окончательно не победить
блядский Бог играет мной
как женщина, как дутая кукла взрослым мужчиной
ну, не смешно ли: слабые создания, ветреные, -
бог и шлюшки, -

а играют нами, мужественными, суровыми созданиями
настоящими, стопроцентными, пробу негде ставить
мужчинами
которые если и всплакнут
то свинцовой слезой через дуло

послушай же, господи, почитай мои скрижали,
не укради, не блуди, не сомневайся
с этим все понятно
не знаю только, с чего начать, ладно
вот тебе кровь моя – пей, вот тебе плоть моя – ешь
насыщаться человечинной тебе не в первый раз
ты утроба моего мира, ты мешанина наших внутренностей
ты пульсирующая и влажная заповедь, ползущая по доске Моисея
из камней составивший свод правил еврей
как ты был весел, оригинален и остроумен
если бы ты был роскошной женщиной, Моисей, я бы сказал
что люблю тебя
как Кибелу, праматерь богов, которая на самом деле
все тот же Бог, играющий с маской из глины у своего настоящего лица
которого нет у него
и никогда не было
впрочем, я опять начинаю рефлексировать из-за того
что Бог покинул меня, как женщина
ушел, и записки не оставил
вот просто надоел я ему
и все

отче наш для бога:
человек, прими от меня этот хлеб и прости меня за то
что я не дал тебе его великодушно от щедрости своей
а заставил, как злой ребенок
стараться и кривляться ради этого пропахшего твоими трудами
куска плохо выпеченного теста
мне ничего бы не стоило дать тебе достойно жить
но я сплеховал – каюсь, меа кулпа
спасибо тебе за то, что прожил еще день в этом идиотском мире
слепленном мной не по подобию и образу, но по наитию
за что и каюсь перед тобой
спасибо, что отчаялся, но все-таки еще держишься, и не убиваешь себя

обрекая меня на муки адовы – да
 с каждым самоубийцей шансы Бога на рай
 для Богов становятся ничтожно
 крайне
 малы
 спасибо тебе за то, что
 ты есть, я есть
 аз есмь

мой бог, бог мой
 молись так каждый раз на ночь, и тебе непременно
 улыбнется небесное царство

а еще я собирался прочесть тебе заповеди
 десять заповедей от человека для бога
 но понял, что мне не переиграть тебя и
 просто подполз и спросил:

- почему ты бросил, почему я так быстро надоел тебе?
 он отворачивается от меня этим обожаемым профилем и глядит мимо
 пропуская между пальцев гниловатый песок
 Долины Роз
 и я понимаю, что между нами все кончено
 встаю, поворачиваюсь и выхожу из комнаты
 в полупустой уличный театр
 полузаброшенный театр Кишинева
 из таких, что построены в парках
 для массовой самодеятельности, знаете
 и холодно, не чувствуя боли, потому что не чувствую себя
 ведь я уже умер
 вытаскиваю из ножен палаш, чтобы с криком
 капитана Джека-воробья
 броситься в пасть ужасного морского чудовища
 пришедшего по мою грешную душу
 с криком злобы и ярости
 криком настоящего мужчины

жил как мужчина и умер как мужчина
 так говорят, а моему Богу больше нравится:

- не пожил, так умру по-мужски
 а мне по душе: пожила,

так умру
я минималист в этом смысле

- 25 -

в день когда в Молдавии впервые появились карты Таро
навсегда войдет в карту вин
нашей маленькой и очень гордой республики
первой границу на участке около Комрата незаконно пересекла карта
Висельника
он просто раскачался, повиснув на дереве, да и
забросил себя на тот берег
случаи такие были не редкость в ту пору на молдо-румынской
границе, поэтому строго не наказывая,
солдатика-пограничника, прошляпившего нарушителя границы, все же
лишили отпуска на три дня домой
а он очень расстроился
взял автомат и перестрелял всю отару овец
которую гнал, как обычно
через границу пастух Василика
то ли румын, то ли молдаванин, сейчас уже не поймешь
особенно учитывая наличие тех, что считает это, -
румын, молдаванин, -
одним и тем же, единым целым
это, кстати, наталкивает нас на мысли о карте Таро
по имени Единение
та перебралась в страну в конверте с почтовой маркой Евросоюза
а в этой стране все, что так или иначе связано с Евросоюзом
свято и неприкосновенно
третья карта Таро по имени Судьба приползла под брюхом телеги, четвертая...
что?
вас интересует дальнейшая судьба
пограничника, того мальчика, который перестрелял овец,
о, это достойно отдельной поэму, скажу лишь, что это –
звено в цепи событий, которые привели к извержению вулкана в Индонезии
которое было задумано для того, чтобы исчез целый вид рыб
мешавших эволюции развиваться и в дальнейшем

я не буду перечислять скорбный путь всех 124 карт молдавской колоды Таро
отмечу лишь, что все они, следя своему предназначению

собрались в городе Кишиневе 14 февраля 1979 года
разлеглись веером на центральной площади,
приняв внешность плитки
пешеходной части улицы, забыл, как это, а, тротуара
он, знаете, у нас в плитке, и примерно через
полтора-два часа я, повинувшись повелению судьбы
появился на свет
быстренько выслушал молитву, которую обращал ко мне бог
и начал делать все, чтобы как можно скорее встретить тебя
в частности, побыстрее рос, побольше кушал
вел себя хорошо, учился ухаживать за девочками
любить страстно, любить нежно, учился мыть руки
чистить зубы после еды, читал красивые книги, где очень много
было сказано о любви
видимо, это чтобы не опозориться, когда встречу с тобой
и мы начнем беседовать
также я всячески старался для того, чтобы судьбы наши пересеклись на самом их
взлете
чтобы мы в дальнейшем вместе только падали, как звезды
что очень романтично
а девочкам, узнал я в процессе неоднократных ухаживаний
нравится все, что романтика
я нашел тебя для того, чтобы мы вместе увяли и состарились
я шел к тебе всю жизнь, понемножку, шажками, но настойчиво
разве это не повод
приголубить, расцеловать и обнять
скажи, где ты пропадала в период в мои с 0 по 23 года
скажи, что ты сделала для того, чтобы прийти пораньше
ко мне
скажи
я никогда не думал, что буду спать с женщиной младше себя
но по истечении моих 18 лет это глупейшее недоразумение, заблуждение и
вообще, я бы сказал, опаснейшее позерство было исчерпано самой жизнью,
подсунувшей мне 15-летнюю любовницу с ужасно томным ртом, таким томным,
что я представлял себе их парочкой – ее и ее рот, и знаете
второго я побаивался
и уж тем более я не думал и не гадал, что она станет спутницей
моей жизни в период с 18 по 23 года
в течение которой я еще несколько раз родился и трижды умер
и только когда мне исполнилось двадцать пять

моя мать
 открыла мне тайну моего рождения и я
 узнал
 что причина моих метаний, а также зигзагов судьбы, которых и в Дон Кихоте не
 опишешь, а уж чего только там не описано,
 состоит в тайне моего рождения
 которую я узнал, и которая состояла в том
 что я явился на свет
 не запылится на солнце
 благодаря воле и желанию ста двадцати четырех карт Таро
 особого молдавского Таро
 с тех пор я поседел и стал
 грустен, потому что знаю –
 после того, как все карты молдавского Таро снова соберутся в Кишиневе
 на центральной площади и разлягутся веером, мне придется явить
 миру
 процесс совершенно обратный тому, что я проделал, родившись
 да-да, я говорю об этом –
 умереть

- 26 -

лижи мою молодость, лижи мою страсть
 как животное соль
 прокуси мою руку, вначале я ничего не почувствую
 медная бляха синяка будет потом
 все будет потом, сейчас прокуси и тяни, лижи
 высасывай из меня эту дурную
 кровь
 обезумевшего от сверхнаполненности человека
 я говорю о себе, ты понимаешь
 я полон крови, я едва не лопаюсь от ее избытка
 она брызжет по утрам фонтаном из моих ноздрей
 системы сообщающихся сосудов, слава матери-кукурузе, работает исправно
 по утрам кровь течет из-под моих закрытых век,
 сочится из-под ногтей, каплет с длинных красивых ресниц
 от которых не одно сердце таяло
 как мороженое, только сердце – кровью
 кровь толчками вырывается из моих вен, я как будто Океан

а в моих венах миллионы китов, кровавых гренландских китов, синих молдавских китов, кашалотов, лопоухих, вислобрюхих и прочих китов и они брызжут из меня по утрам фонтанами крови радостно фыркают, ведь они тоже полны крови и жизни я полон кровью, я полон жизни страдание и чувства переполняют меня, льют изо рта особенно мне удастся легкая грусть и ненавязчивая тоска мне все удастся, потому что я полон жизни и крови вытекающих из меня вовсе не потому, что я должен умереть а ради сохранения меня как сосуда который не должен лопнуть, можно сказать во мне есть предохранительный механизм, который спасает от перепроизводства жизни и крови и, конечно, я щедро делюсь всем этим с каждым встречным поперечным, растяпой и головотяпом

а еще я полон железа, что вовсе не удивительно для тех кто в химии знает толк тонкий как изысканные вина столовых марок, ведь кровь полна железа железистых опилок поднеси к открытой ране магнит и хлещущая кровь стянется к нему как куча железной пыли я полон железа и в виде крови, и в чистом, - от слова «первозданный» меня отучил Андрей Первозванный, - в виде, в виде железного стержня пронзающего мою спину вместо трусливо дезертировавшего позвоночника, он не выдержал тяжести службы и сбежал, трус, я разжаловал его и приговорил заочно к расстрелу перед строем и последующему повешению в торжественном разряженном солдатом каре кюре отпоеет его в последний путь приделает к носу бантик и спустит гроб с телом на воду а потом мы отправим его чистить картошку на кухню вот что ждет мой позвоночник, когда он вернется ко мне в надежде на заклятие агнца

а пока у меня вместо него стальной позвоночник

который, хочу я или нет, ему плевать, удивительно равнодушная тварь
 делает меня самым живучим существом в мире после кошки
 из которой кишки вынимают не вынимают, а она все равно застрелится
 иногда он мне мешает ходить
 ведь каждый знает, что в Земле есть магнит
 и иногда его включают инопланетные твари
 очень редко, но включают, чтобы
 обезопасить себя от таких как я, с железным штырем в спине
 вас-то, обладателей костяных позвончиков, они давно
 уже не боятся
 и тогда я намертво прилипаю к Земле, и не могу быстро идти по шарик
 и когда шарик крутится, я опускаюсь вниз головой
 что вызывает у меня приступы жестокой боязни высоты
 я прижимаюсь к балкону и кричу: не хочу видеть, как мир
 вылетает из окна
 я плачу, стоя на парашютной вышке, рыдаю, поднявшись на табурет
 у меня кружится голова от восхождения на бордюр

помню, я собрался покорять вершину – порог своей комнаты
 целых 15 сантиметров
 несколько недель я готовил провизию, потому что подойти к вершине
 непросто
 запросто можно погибнуть на подходах
 чаще всего альпинисты замерзают, падают, укутавшись в туман,
 не на пике,
 срываются в пике на подступах, подступах, потому и называются под-ст-пы
 в смысле, попробуй подступись
 еще я запасся ботинками на высокой подошве, прочной и рифленой
 с высокими берцами, толстыми шнурками:
 будь они мужчиной, он бы хвастался большим хуем
 но у него только ботинки на подошве высокой
 которыми я запасся, а еще провизией и провиантом
 картой местности, планом квартиры, полученным после трех месяцев очередей
 в мэрии нашего городка
 красные флажки, чтобы устанавливать их на месте восхождений
 как метки рекорда
 в общем, после покупки фонарика, альпенштока и двух Троцких, -
 это на случай если восхождение не состоится
 а альпеншток на что-то да сгодится, -
 предусмотрительный какой малый, этот я!

я полез покорять
 порог своего
 дома

целых пять дней и двенадцать ночей, по две с четвертью на день
 я подходил по отрогам моего
 порога
 к нему самому, изнывая от боязни
 высоты и страсти эту боязнь преодолеть
 не правда ли, нет ничего более не странного, и совершенного понятного -
 спрашивает меня английский поэт-деревенщик Клэри, который к концу жизни
 сошел с ума, решил, что он английский поэт Байрон, и продолжил неоконченную
 поэму «Чайлд Гарольд», - чем это ваше желание поиметь то, что имеет вас, имеет,
 что называется, по полной программе
 да пошел ты, Клэри!
 я даже фамилии твоей не помню
 точно
 так что ты, может, и не Клэри вовсе, а самозванец
 ободренный какой-то
ух ты, плавная кривая прозы в стихах вывела меня снова к Кокойты
здравствуйте, господин президент, доброго вам здоровьишка

в общем, под насмешливым взглядом этого англичанина, -
 ну, что за народ, даже сумасшедшие у них обладают сдержанным юмором, -
 я таки преодолел эту вершину
 восхождение на порог дома обошлось мне в три тысячи фунтов стерлингов, на
 которые я снарядил экспедицию
 четверых верных грумов, двенадцати волос
 и зуба мудрости, который погиб от холода на шестой день путешествия

а стальной стержень в моей спине
 после этого еще тверже стал
 мало ему, что стальной, так еще и
 заледенел, сволочь

вынь из меня эту страсть,
 вытащи из меня железный стержень
 своими губами
 отсоси это жало,
 тебе что, жалко

нет, так
 бери
 давай
 да не давай в смысле
 дай, а давай в смысле
 давай начинай
 в смысле
 бери
 так-так
 вот
 о!

- 27 -

мне очень жаль, но я вынужден прерваться
 знаете, проза все-таки требует времени
 я, видите ли, пишу книгу
 главный герой – журналист, но без всякой специфической около газетной хуйни
 на этот раз
 обойдемся
 наметки, знаете ли, таковы
 взгляд автора на Молдавию – чуть отстраненный
 как из-за стекла в дождь, плывущий по пленке воды
 все немножко грустно, все немножко нервно
 все немного печально, слегка размыто и тоска окутывает нас
 автор пытается понять,

- задействовать Чорана обязательно, он ведь непрременная фишка Молдавии
 старая, старинная и странная
 три писателя у нас всего есть, у молдаван,
 да и те румыны, да и те французы
 Чоран, Ионеско, Целан
 в общем, он, автор, все пытается сообразить
 почему в стране так СТРАННО
 странная страна, странная, очень странная, не так ли и
 почему она засасывает, как тряпина, в водоворот
 и натывается
 да нет, не страна, автор
 на книгу, в которой говорится, что по ведовским картам Молдавия
 и Трансильвания – само собой, без нее никуда, дань читательской моде, это вам не
 забытые Богом деревни, а

черные дыры

в смысле экзистенциальном, это, знаете ли, дань постмодернизму,

и почему эти два места -

самые отстраненные от Бога места

отсюда и отстраненность, сами понимаете, и

автор поначалу смеется над этим, - груз знаний и образования не дает воткнуть, говоря грубо, прямо, но в то же время образно

но потом ему приснится женщина, которая будет звать, и звать его за собой, и так, и этак, и он будет рваться к ней, как Одиссей к сирене

(а мог бы пошло срифмовать «рваться к ней как к сирене Одиссей»)

а это вам не шутки, это, между прочим, уже

вторая сюжетная линия –

любовь к суккубу. Итак,

первая линия, для непонятливых, - поиск причин, по которым

Молдавия именно ТАКАЯ, а не другая или этакая

тогда автор, после явления ему девицы, а точнее говоря

мороча в виде обморочной девицы, принимает это за морок и большое

воображение

но я, конечно, не дам ему подумать, что он сошел с ума, что непременно

случилось бы в жизни, но книги мои на то и прелестны, что в них все гораздо

лучше жизни, оптимистичнее нее, в них есть, черт возьми, доля чуда, -

и потом будет эпизод (надо придумать еще)

в ходе которого автор понимает, что девица – реальна! Т

Тогда он отправляется по ее подсказкам,

он будет находить их каждое утро в доме, купе, в поле, в гостинице, правда, оригинально,

в Трансильванию и, конечно же,

конечного пункта назначения он не знает, но понимает уже в Трансильвани: к

этому все шло, может быть немножко

пошло

но шло, и вот, дошло-доехало

и в замке он встречает Дракулу.

Страшно? А, тот-то же, блядь!

...конечно, не простого Дракулу там, из фильма Копполы или книжки Брема времена нынче не те, согласны?

а кто не согласен, то встал и вышел из класса

а Дракулу с изюминкой, героя, так сказать, нашего времени

ну, может он играет в сквош, или пишет эротические стихи

увлекается морскими погружениями, мало ли

чем

и в глубине души он эколог и сторонник
гуманного забоя песцов на шапки
в общем, не простой, а постиндустриальный Дракула
встречается моему герою, который, без сомнения, очень похож на меня
в замке Дракулы
я думаю, нет нужды пояснять, почему героя похож на меня
само собой, лень что-то придумывать
и не надо про нехватку фантазии и скудный внутренний мир, убудки
списывали же мастера Возрождения Мадонн со своих крепкозадых
любовниц, со своих полногрудых жен
так вот я сообщаю
что я Мастер не хуже тех, что в Средневековье
творили, более того
я – последний
писатель Средневековья

итак, мой герой встречает пожилого, уставшего от вечности человека
который кушает на обед гематоген,
кровь врачи не позволяют – желудок болит
и это не преувеличение, всякий, кто хоть раз
разбивал руку в кровь и слизывал ее инстинктивно
знает, как сжимается желудок, когда крови сглотнул слишком много
как отчаянно пульсирует что-то в области сплетения Солнца
а, блядь, долбанное светило, мы опять заговорили о тебе

и наш Дракула, - постиндустриальный обаяшка, - водит автора за нос
не дает, сволочь
такая
ответа на вопрос: почему Молдавия
ТАКАЯ

... а в это время, таинственно говорю я, и меняю картинку в диафильме
окончательно влюбившись, автор забирает суккуба, и возвращается
в Молдавию без ответа на волнующий всех нас, а больше всего меня, вопрос
по приезду домой он селится в водонапорной башне, - любой житель Кишинева
скажет вам, что такая и правда есть, тут я не соврал, тут я молодец, - эта
башня стоит напротив Университета

и герой сам не замечает, как становится новым Дракулой

а в момент понимания этого ему является... правильно, Дракула,
 который говорит: Молдавия была ТАКОЙ, потому, что на самом дел ТАКИЕ
 в душе
 которая в нас, - а не в котором моются, - мы
 да, именно мы воспринимаем цветную, красочную живую Молдавию
 сквозь призму своей меланхолии
 понятное дело, я не могу допустить плохой конец, и раздается треск фейерверков,
 загораются огни салютов, Шекспир аплодирует мен всеми своими десятью руками
 неутомимых тружеников британской драматургии
 девушки ликуют
 автор отбрасывает ее (меланхолию)
 мир становится одуряюще весел и красочен, но...
 автор тоскует по своей тоске, и тогда (а у него есть выбор) он выходит
 на улицу, выпивает чуток крови, -
 никаких смертей, никакой передачи вампиризма – ритуал стал не обязывающим
 для жертвы, -
 и мир снова становится чуть серым, а автор
 понимает: Молдавия на самом деле ТАКАЯ потому, что она слишком ХОРОША
 чтобы мы воспринимали ее в ее настоящем ЯРКОМ свете
 и вот теперь уже по-настоящему гремят салюты и девушки ликуют, на бегу
 снимая с себя
 трусики, лично я предпочитаю, когда девушки снимают с себя стринги, такие
 знаете, полоски, но некоторым можно носить и танго
 чего я не люблю
 так это панталон, ведь
 имя Пантелеймона, от которого произошла эта разновидность женского белья
 наводит на меня тоску и уныние как порчу
 на драгоценного жеребца
 победителя скачек, обладателя призов и наград

книга, решил я, должна получиться сумрачной, готической, чуть печальной и
 очень красивой, такой
 она и получилась
 одного я только не понял, поставив в ней мое любимое слово «конец»:
 так какого черта Молдавия ТАКАЯ?

что ж, придется написать все это еще раз
 начну в следующем году, и да поможет нам Бог

дорогие женщины

не стоит откладывать эту поэму
 чтобы заняться приготовлением всяких вкусных и не очень блюд
 я понимаю, что муж будет чертовски зол если
 не найдет еды дома, а только жену с поэмой в руках
 ну, разве что его покормят в городе, но сразу возникают
 мысли
 а кто покормил, зачем, почему и как
 нет, нам не нужна эта морока, головная мука
 морок подозрений ревнивых
 к черту, к черту, к черту, или
 как писал МакКинерни
 стань говном, стань говном, стань говном
 итак, дабы мужья не ревновали, а вы не плакали после семейной ссоры
 прочитайте несколько рецептов, которые я имею честь предложить вашему
 благосклонному вниманию
 коего я, разумеется, не заслужил и потому особенно
 благодарен вам за него
 для начала, я предлагаю вам старинный молдавский рецепт окрошки по-абхазски

итак, окрошка по-абхазски
 для которой вам понадобится кислое молоко – три стакана
 два стакана воды
 зеленый лук
 зеленые же огурцы
 даже не думайте класть в эту окрошку фиолетовые огурцы
 вы понимаете, что все испортите, и ваш муженек,
 наевшись от пуза, будет недоволен
 не поцелует вас размякшими от острого перца губами, не вонзит
 в вас сытое естество
 а надуется и ляжет спать на ковер у большого телевизора, глядя
 на соревнования Европы по легкой атлетике
 кстати, красные огурцы тоже никуда не годятся
 только зеленые, запомните это, раз навсегда
 раз-два, шагом марш на кухню, а я продолжаю:
 понадобится еще редис, пучок-другой, этот можно брать
 любой
 цвета красного, синего или желтого, в редисе ведь главное
 начинка, а она всегда черного цвета, сварите еще
 два яйца, сварите соль, сварите аджику и сварите черный молотый перец
 по вкусу

... а далее необходимо проделать следующие манипуляции с этими овощами: во-первых, надеть на них наручники, во-вторых, вымыть, затем закрыть в темной кухне и приступить к избиению. Огурцы нарезать кубиками, желательна, чтобы они были правильной формы – три сантиметра высота, два ширина и полтора поперечник. Если вы ошибетесь хотя бы на миллиметр, начните все заново. Мерить стороны маленьких кубов, вырезанных вами из огурцов, можно штангенциркулем, который вам одолжат на любом заводе...

что еще? нашинковать редис и лук
 буквально в шинок, в зюю,
 положить в кастрюлю или глубокую миску их останки, позвать
 священника, с почтенной миной
 залить кислым молоком тела, завернутые в парусину, с привязанными к ноге
 ядром
 и под грохот морских орудий полить предварительно
 разбавленным холодной кипяченой водой молоком
 приправить толченым чесноком
 солью
 аджикой по вкусу и цвету, а вареные яйца отварить еще раз
 вкрутую, нарезать мелко, потом нашинковать, потом нарезать, потом растоптать
 немилосердно, выкрикивая: вот я вас,
 и положить в суп, а
 перед подачей на стол посыпать мелко нарезанным укропом
 в виде крестиков, и запомните, главное, чтобы они торчали из тарелки и блюдо
 производило впечатление маленького семейного кладбища
 достойного, почтенного
 и осененного дубами, посаженными еще вашим прадедушкой
 когда он пошел на гражданскую войну сражаться за Конфедерацию
 оставив дома прабабушку в положении
 и в окружении
 верных добрых негритянских рабов
 которые не понимали, маста, чего хотят эти злобные жентльмены
 с Севера, понимаешь

а вот мы плавно перешли к теме расизма, апартеида, и, главное
 следующего рецепта: итак, я представляю вам
 куриный суп
 по южно-африкански

он выглядит как большой дом с семью этажами, и в нем живу
 курица одна штука
 само собой, ошипанная, до бровей буквально
 банка зеленого горошка, который никогда не унывает, и
 его подружки луковки, порошка карри
 не спрашивайте, потому что я не знаю, как он пахнет и выглядит
 сливки и сметана снимают чердак
 два яблока, или, точнее, яблоки две штуки
 а на самой крыше обитает сливочное масло
 сбежавшее из дома в виде вымени коровы
 и закалившееся в результате странствий и взрослой жизни
 до консистенции маслица, совсем такого
 как мазала на хлеб в пригороде Кейптауна твоя бабушка-фермер
 когда ты гонял по зеленым лугам
 с воздушным змеем

рецепт приготовления очень прост – во главе отряда полиции особого назначения
 ворвитесь
 в этот дом, положите всех мордой об пол
 крича: на пол, на пол
 и начинайте расправу, будьте на нее коротки только
 не позволяйте сердцу смягчиться

... итак, из кричащей, протестующей курицы нужно вырвать внутренности, и, под
 объективами фотографов «Рейтер», которые и рады бы ей помочь, да на этой
 войне они наблюдатели, пиная ногами, отволочь курицу к кастрюле, и сунуть
 туда, после чего сварить из тушки два литра крепкого бульона. Поседевший от
 горя горошек, - на глазах которого мы предварительно расправились с его
 подружкой луковкой, изрезав ее ножом, и обжарив на сковороде, - отвести в
 расстрельную камеру, сварить до мягкости, протереть сквозь сито, пассировать на
 растительном масле... всю эту ужасную бойню засыпать побелевшими от ужаса
 сливками, и жрите на здоровье...

вы говорите, вам это напомнило
 рвы, заполненные телами, и засыпанные известью
 как куриный суп сливками
 ну, ясен день, ясен пень, маста, некоторые совпадения
 что говорится
 налицо
 сказка ложь, да в ней намек, и все такое

кстати, о Пушкине
он никогда не был, как Горький в Италии,
а раз уж мы заговорили об Италии,
поговорим об итальянской кухне
да, я намекаю на то, что сейчас вы, хозяйюшка, сготовите своему мужу
хозяину
крепко стоящему на своих двоих,
- я подразумеваю ноги, а вы о чем? –
роскошный суп по итальянскому рецепту
известный в широких кругах как замечательный
неповторимый, дамы и господа, встаем и приветствуем, -
суп «Минестроне»
маэстро, гряньте туш
на худой конец, сбавьте что-то веселое
легкое
например, сборную соляночку из «Битлов»
но о солянке позже
а сейчас Суп «Минестроне»
сборное итальянское войско
генуэзцев Батыя

завербуйте в свои ряды 100 человек жирной ветчины, 100 человек
постной ветчины 100 человек репчатого лука 100 человек
моркови
а как же без нее, без ста человек моркови
фланги не обойдешь
это я вам как Александр Македонский от кулинарии
говорю, а не как частное лицо
150 человек белокочанной капусты, - они
подготовлены хуже, поэтому будут брать числом
150 человек картофеля, полтора литра кипящего бульона
250 человек помидоров, главное, убедитесь, что в душе они красные
50 человек гороха, 125 человек фасоли, - этих
поставьте в одну шеренгу, они будут вариться друг за друга
крепче, чем бились любовники-гомосексуалисты из афинских гоплитов
50 человек риса, он стойкий, и фаталист, поэтому можно сразу
бросить его на копья вашего голода
15 человек чеснока, 100 человек сыра, 10 человек базилика,
ну и конечно, мелочь в виде прашников соли, лаврового листа и перца
молотого перемолотого

грохнутого молотом
в предыдущих сражениях у плиты

а после того, как вы их собрали, начинайте славную рубку
натрите на терке половину полагающейся по рецепту жирной ветчины; - другую
половину отдайте бедной вдове, торгующей собой, чтобы прокормить
голубоглазого мальчика
оставшуюся постную ветчину вам следует нарезать кубиками, -
помните про кубики огурцов, так вот тут все то же самое, -
и все вместе поджарить до бледно-желтого цвета с тонко нарезанным луком
помните, все должно быть бледным
в этом году среди обжаренных овощей очень моден
слегка бледный цвет лица и взгляд равнодушного ко всему человека
а вам надо еще воци мелко нарезать, добавить базилик и лавровый лист и
обжарить снова и снова
в результате многократной жарки
они перегонятся, как зерно в спирт
и из овощей вы получите камень Бессмертия
да-да, тот самый, который искали алхимики
но они были дураки, дети Возрождения
а я же – из Средневековья

получив философский камень Бессмертия
подарите его свекрови, пусть думает что с ним дальше делать и
ветчину смешайте с овощами, залейте посоленным бульоном,
положите очищенные помидоры, горох, фасоль, рис
пусть они в это время кричат:
кто хочет комиссарского тела, подходи, басмачи

и варите на слабом огне года три, а за это время вы
наверняка успеете ставшуюся ветчину растереть с чесноком, ввести
в суп в конце варки и отдельно
года через четыре, чтобы наверняка успеть
подать сыр тертый
как калач

поедая все эти роскошные блюда, помните, что в наше смутное время
в эпоху революций и войн
в смутное время полураспада
драгоценных камней

тоска моя неизбывна, никто из вас ни развеселить
 ни полюбить меня не сумеет так, как я того
 стою
 помню, моя знакомая фея принесла домой алмаз
 и зарыла в горшке, под бегонией, камень
 сказала она, распадется.
 я посмеялся, но совершенно напрасно
 камень и правда распался
 земля моих домашних цветов тем и замечательна
 что превращает алмазы в уголь
 в это смутное время полураспада
 драгоценных камней
 я заморожен этим необычным процессом
 он еще увлекательнее
 чем разлагать прозу в стихи, чем
 я и занимаюсь сейчас
 да, проза в стихах, вот как я назову все это
 за то время, что рубин в горшке с денежным деревом
 превратится в то, с чего начал
 каплю красной от крови смолы

разлагать прозу в стихи, или наращивать стихи в прозу
 чем бы я ни был занят, не беспокой
 даже не пробуй побыть со мной рядом, настолько
 я увлечен пустыми занятиями
 навроде перекладывания сомнений из корзины с черными камнями
 в корзину с белыми
 тебе понравилось это простецкое «навроде»?
 мне - да
 оно мне напоминает Навуходоносора
 а еще Ашшурбанипала, Гамилькара, хоть последний был и из
 другой оперы, но неважно, меня интересуют не оперы, а созвучия имен
 ассоциативные ряды
 выстроившиеся на холмах моего тесного умишки
 обложившие его фалангами
 можно сказать, мои мысли собрались у меня в голове
 в почетное каре
 в котором меня, - дезертира и труса, -
 намереваются повесить
 под грохот барабанов

на что я очень рассчитываю, так это на милосердие веревки
на жестокость которой уповаet палач
разные ожидания от одного объекта:
что поделать, мир противоречив
но я все-таки больше, чем палач, уверен
в веревке, мне кажется, что она дрогнет, расплается
и рассыплется в прах и пух
по закону, повешенным за одно и то же нельзя быть дважды, и
я уйду от солдат, одетых в форму Австро-венгерской армии
насвистывая песенку Фанфана-тюльпана
а эти скажут – ну, этому повезло, а мы продолжим
и по приговору военно-полевого суда
повесят кого-то другого

я не хочу об этом говорить, но раз уж спросили –
я дезертировал от самого себя
за что меня и собирались повесить собственные мысли

это у них называется «предать петле», а сжечь – предать огню
соответственно, утопить – предать воде
и тэпе и тэдэ

- 28

обними меня, ну
пожалуйста
я люблю твои полные волосы
я бы вырвал их из твоей головы все
когда мы вместе, когда тремя об друга
и сплел из них рубашку, как у Ганса
мальчика
с крапивным воротом
она бы меня хранила от всех бед
я знаю
что ты хранишь меня лучше всех бед
лучше всех рубашек
но ты не вечна, я боюсь, что тебя скоро не будет
кто тогда станет зажигать звезды
в пруду

окруженном лягушками, поющими
любовные арии для тебя
это я их нанял, конечно
кто будет зажигать свечи, которые лизут горячим воском
мои ладони
после этого мне удаются самые лучшие прозы в стихах
самые лучшие перлы
жемчужины, застрявшие в моей голове
о, она как раковина, а твои слова как песок
попадая ко мне в голову
они становятся самыми драгоценными драгоценностями
из наиболее дорогих ценностей

я боюсь, что тебя скоро не будет
я не то, чтобы очень боялся
но я слишком люблю твои полные волосы
чтобы жить, зная, где их нет
что их нет и не будет больше
проблема твоего существования как таковая меня не волнует
я, скорее, обеспокоен проблемой своего
существования без тебя
которое, как таковое, без тебя, как таковое,
не представляется возможным ни мне, ни тебе, ни волосам
они жесткие, как я люблю, и полные

прошу тебя, не надолго покидай меня
я бы не хотел думать о счетах, скопившихся в твоём почтовом ящике
о пыли, которая с годами только отъестся
на полках твоих шкафов
о воде из кранов,
твоей опустевшей квартиры
кранах, которые без теплой руки прохудятся
и из них будет капать, потом сочиться, наконец,
вовсе польет, хлынет, прорвет
как из меня, когда ты вскрикиваешь
тонким, несвойственным тебе голосом, иногда
мне кажется, что это совсем другая женщина кричит из тебя
когда ты колотишь мою поясницу пятками
скажи, только правду,
вас двое?

не стесняйся, не бойся меня потрясти,
обойти, разочаровать, опечалить
двое, так двое, я беру, заверните
могу и троих взять, и четверых, мне лишь бы твои волосы
полные как губы
мохноногой татарской лошадки, на которой воин
Золотой Молдавской орды скачет
покорять Париж графа Роберта
пока я гляжу на твой тяжелый затылок, на твои полные плечи
и думаю
что будет, когда не будет тебя

обними меня, я бы хотел, чтобы ты ласковее
относилась к тому мужчине
который живет во мне, чтобы ты пронизательным взглядом
подкинула его на мерке весов египтян
и поняла, насколько он хорош, ах, настолько
насколько же плох я
дай мне еще шанс: попробуй влюбиться в этого
второго, мужчину

обними меня крепче, ну
пожалуйста
вцепись в меня, как Мэри Попинс в волшебный зонтик
или, что лично мне более импонирует
в бутылку с волшебной жидкостью
ну, мы-то все понимаем, что у нее там за пойло
было, а ты вцепись,
какая разница, как во что, главное
в меня, давай побудем вместе немного и

если поднимется ветер, то мы улетим вместе
если прискачет Смерть, она нас обоих
уволочет
за веревкой, тянущейся из Седла
всадники Апокалипсиса нас обоих затопчут
нас сожрет осьминог и не поймет даже
что это два тела, а не одно
мясо-то на вкус одинаково
нас склюет альбатрос, нас похитят пираты

нас поймает кайман, окружают под Орлом
 сожгут в Бабьем Яре, обвенчают в соборе Святого Петра
 про нас напишут Евангелие, как про Христа с Магдалиной
 нас смешают в миксере и взобьют, как сливки для мороженого
 порежут как шоколадную стружку
 нас родят вместе, как близнецов, и вместе закопают
 как покойника и его любимую иконку
 нас подстрелят душетом, выловят одним рывком на два спаренных крючка
 нас нарисуют как коня и юноша, обоих в красном
 про нас споют, как про танк и танкиста, кстати
 если мы и сгорим, то оба: танкист и танк
 нас захвалят, как победителя зимних Олимпийских игр и его сани
 нас проклянут, как Толстого и Рушди
 запомнят, как Столетнюю войну и насилие,
 мы оба намокнем, когда прольет дождь
 мы высохнем на этом проклятом Солнце
 мы согреемся, стуча зубами, и, если уж на то пошло
 мы будем вместе, как два сросшихся зуба

обними меня, ну
 пожалуйста
 я не жалуясь
 ты не жалуйся
 просто обними и
 покрепче
 если бы ты меня обняла, я бы отслужил тебе службу
 настоящую, не мессу какую
 а что-то в стиле пасторальном, к примеру
 я бы скосил все сено в твоих угодьях
 колкое и пахучее, как твои волосы, и собрал бы его в снопы
 как они собираются, бывает, на твоём лобке,
 я бы молотил снопы, я бы собирал зерно, я бы пахал твои поля
 расчерчивал кальки
 десять лет ухаживал бы за твоими садами
 выращивал в них персики, натюрморты и пейзажи
 водные
 лилии
 и
 идиллии

а по прошествии десяти лет вернулся бы из полей
 прямо в разгар дня
 бросил бы все, и во все еще мокрой рубашке
 пошел бы в твой храм, растолкал бы толпу
 локтями в колени
 потрепал бы тебя за плечо – ты, конечно
 у самой стены, где статуя Мадонны
 слепленная из винила твоим прошлым поклонником
 и сказал: время вышло, служба отслужена
 глотка отлужена
 и даже
 жажды у нас не осталось
 высохла
 так ступай за мной, потому что теперь
 по условиям договора, подписанного кровью из переполненных
 вен моих
 принадлежишь не мне, не себе, а своим волосам

когда они разбросаны по твоей спине и плечам
 мокрым из-за пота, который я выжал
 из тебя масличным прессом
 я представляю себе, будто ты роскошная утопленница
 богиня вод
 Иеманжа, воспетая
 Замечательным молдавским писателем-марксистом
 Жоржи Амаду
 Иеманжа и Жоржи:
 близки как мы с тобой, твое тело прохладно из-за высыхающей соли, и
 бело, и голубые вены сплетены в узелки письменности индейцев -
 называется *кипу*

я люблю читать их, это моя тайна, ведь
 даже ты не знаешь, что, когда родилась
 твоя мать связала твои вены в шнурки со множеством узелков
 напоминаний и предостережений
 для твоего будущего любовника, по счастью
 им оказался именно я
 последний в мире человек, который умеет читать *кипу*
 а твоя вторая мудрая мать, мать-природа, мать-кукуруза
 позаботилась, чтобы твоя кожа была белой и просвечивала

так, чтобы узелки вен были видны под ней моему взгляду
грифа

когда я первый раз увидел твою роскошную грудь
то читал и читал, что оставила мне твоя мать
как жаль, что мы с ней так и не познакомились и не успели
как тут успеешь
когда тебя вот-вот не будет
ах, что уж там, тебя и так уже
нет

ладно, если уж ты от меня умираешь, так
проваливай
я не то, чтобы сержусь
но на мой взгляд, бесчеловечно
и жестоко и в противоречие всяких гуманных и этических
норм
расставаться единственной в мире женщине, которая хранит в своем теле *кипу*
с единственным в мире мужчиной, который умеет эти *кипу* читать

я прошу тебя, обними меня, ну
пожалуйста
постой, встань подле меня
на постой
я прошу тебя, ну, пожалуйста
обними,
еще несколько минут, а после
проваливай

- 29 -

о чем я буду вспоминать
лежа на низком, огнеупорном холме по имени Черепаха
кажется
я буду лишь представлять тебя снова и снова
Матвей, мой евангелист, -
прокручивать в голове сцену твоего явления
народу
и мне и преклонным медсестрам
и главврачу, зажегшему факелы, пролившему миро

велевшему пир горой накатить
 после чего другие роженицы пустились в пляс скоморохов
 шутов и балагуров: ах, что за вечеринка была,
 люди чинно ели, пили и веселились
 хор младенцев ревел из ясель
 ты молчал, твой взор был ясен
 чист, спокоен и речист
 речитативом акушерка начитывала считывала
 ритмичные стихи в прозе
 это был ее подарок нам с тобой на твое рождение
 сторож роддома подарил тебе коня
 из дерева самой твердой породы, говорят
 это был кедр из Ливана
 он вовремя успел сбежать из-под бомбежек, а уж из Сирии
 его эвакуировали
 как мужа молдаванки, уехавшей в Ливан работать в борделе
 а он, ливанский кедр, возьми, да и влюбись в нее
 во время очередного визита в публичный дом
 новенькую не хотите попробовать, спросила мамаша, и крикнула
 марчика, поди сюда,
 ну, она
 и подошла лет на тридцать
 так они вместе с не рожденными пока детьми оказался в Молдавии.
 где сторож роддома
 выбил из папаши-кедра ливанского дурь, выветрил хмель
 выколотил пыль, выстучал азбуку Морзе
 выстругал голову лошади
 отрубил ее
 и посадил на мощный посох
 обозвав все это лошадью Ливана
 и подарил моему сыну на его день рождения
 в первый его день рождения
 сыновнего Рождества

- 29 –

-

первым человеком новейшей Месоамерики
 был человек по имени Матвей
 ему надоело писать Евангелия и он решил отвлечься
 бросить литературу ради

иными словами, не все потеряно, у нас есть один шанс из ста и я прошу существо с лицом советника президента ткачука внести это в протокол и не называть меня внутренним врагом государства при составлении очередной речи президенту для его выступления

продолжу о цивилизации
многие поражаются: это все равно, что грязные арабы на землях Египта, говорят они общего у них, Египта фараонов и Египта русских туристов только земля

ученые недоумевают, каким образом цивилизация гораздо более развитая, чем наша исчезла с этой земли нашей же

выдвигаются самые разнообразные гипотезы некоторые утверждают

что причиной послужила техногенная катастрофа примерно такая, в результате которой погибла Атлантида Платона ну, например, прорвало водохранилище Гидигича и вода покрыла загордившихся от хорошей жизни людей
МССР

другие считают, что причины в загадочной чуме в поветрии страшной и загадочной болезни я ничего не считаю

я просто иногда выхожу на окраины города и люблюсь странными сооружениями обитатели цивилизации МССР называли их заводами

а как именно они использовали эти культовые, очевидно, сооружения мы до сих пор так и не знаем

итак, как говорят нынче индейцы селения Бельцы

очень давно Создатель, Великий Вождь Наверху сотворил Месоамерику-Молдавию, осыпав ее землю семенами матери – кукурузы затем он создал животных и птиц и дал им имена

окончив труд, Создатель призвал к себе животных и сказал им:

я собираюсь уйти и оставить вас одних, но
я еще вернусь, и займусь сотворением людей, а они
будут отвечать за вас передо мной

и никому и в голову не пришло, куда это отлучился
Создатель
единственный, кто знает, это я
я прочитал это на узелках кипу под кожей своей любовницы
так и не позвонившей мне в этом столетии
*кажется, мы с ней кончились, как шнурок для узелков
взяли и кончились, но об этом позже*
так вот, создатель работал, так сказать, на две конторы
сражался на два фронта
разыгрывая перед индейцами фокусы с Бобрами и Койтами
он еще дурил головы грязным иудеям
обрезавшим с крайней плотью семилетнюю грязь
и когда сказал индейцам, что отлучился
то просто-напросто попер на Голгофу
умирать

животные были недовольны именами:
Голубая Сойка, Жаворонок и Койот не одобряли свои имена
каждый хотел стать кем-нибудь другим.
учения о свободе выбора Создатель им не оставил
правил не составил
в общем,
мудак

а когда вернулся, мнение этих животных о создателе как о мудаке
вовсе не изменилось
потому что он сказал, будто
имена им дадены навсегда, никаких перемен,
его слово закон
в общем, повел себя как Путин на пресс-конференции
для иностранных журналистов

и, ясное дело, как и всякий садист, Создатель решил устроить порку без причин:
раз вы попытались нарушить, изменить мой закон, -
вещает молдавским животным он, -

я не буду сейчас создавать людей
 вы не повиновались, как должно, и таким образом
 испортили то, что я принес с собой и из чего собирался сотворить людей
 поняли вы, блядь, провокаторы

животные загрузили, но никто не сделал шаг вперед
 из шеренги, никто не сказал:
 что за хрень, сержант, и почему вы над нами тут издеваетесь
 не боитесь получить в спину пулю во время
 ближайшего боя
 что ли

а Создатель момуштровал их еще немного и распустил по домам,
 после чего обратился к Койтому
 а вас Койот, я попрошу остаться
 хотя простите, то был Шакал
 итак, Шакал, вас попрошу остаться
 (я знаю, что эту фразу позже задействовала знаток мифов Месоаерики и сценарист
 «Мгновений весны», мне плевать)
 тебе, Шакал, предстоит стать во главе всех
 живых тварей, ты обретаешь большую силу, подобную моей, и я
 помогу тебе выполнить твоё предназначение, ведь вскоре
 все существа, которых я создал, начнут вести себя неподобающим образом, они
 станут охотиться друг за другом и пожирать своих собратьев
 тебе же надлежит всеми силами поддерживать мир между ними.

почему я, почему я, Господи, почему я
 завопил Шакал, и стал кататься по земле, срыгивая
 я недостоин, у меня нет сил, я жалок и не могу, а
 Создатель, глядя на Шакала с презрением, думал, что все они
 одинаковы
 человек ли, животное ли:
 только дашь ему шанс попасть в сборную, так он сразу
 начинает жевать соплю - «господи, достоин ли я...»

Создатель вздохнул, улыбнулся и потрепал Шакала по плечу,
 тем самым без слов намекая на прекращение гнусной комедии, и продолжил –
 когда ты исполнишь свой долг, мы снова встретимся в месте на восток отсюда, и
 если ты сумеешь сделать все правильно,
 повиноваться мне и говорить правду,

тебе будет дано
 право поймать в реке
 Бобра и создать из него людей
 если же ты нарушишь условия,
 созданием людей займется кто-нибудь другой...

и Шакал удалился

а дальше предание индейцев
 города Бельцы
 говорит нам совсем уже увлекательные вещи
 затянись этой превосходной травой из-под Сорок
 этого требует ритуал Месомолдавии
 и слушай дальше

после того, как Шакал ушел Создатель позвал Сойку
 в койку
 и после, утирая пот со лба, сказал:
 тебе, Сойка, предстоит стать во главе всех
 живых тварей, ты обретаешь большую силу, подобную моей, и я
 помогу тебе выполнить твоё предназначение, ведь вскоре
 все существа, которых я создал, начнут вести себя..
 ну, дальше вы знаете
 с той лишь разницей, что Сойка не ломала недостойную комедию
 не играла лицом, как Шакал
 за что Создатель, поклонник древнегреческого театра
 где лицом играть было неприлично, -
 был ей, Сойке, весьма благодарен

она просто согласилась

после чего улетела по своим делам в чащу, позвав
 только медведя по просьбе Бога
 и надо ли говорить,
 повторять, что именно Бог сказал косолапому
 ну, ладно, да-да, он сказал:
 тебе, Сойка, предстоит стать во главе всех
 живых тварей, ты обретаешь большую силу, подобную моей, и я
 помогу тебе выполнить твоё предназначение, ведь вскоре
 все существа, которых я создал, начнут вести себя..

ну, дальше вы знаете
с той лишь разницей, что Косолапый ни соглашался, ни отказывал
ему было все равно, он старый служака
как скажут, так и
задерет

затем Создатель подобным же образом сделал
эти непристойные предложения
Койоту, Белке, Бизону, Зубру
Ястребу Средней Полосы, Мыши-полевке,
и многим другим представителям
фауны
и, о дьявол
флоры Молдавии в результате чего
каждый из них возомнил себя
наместником Бога

в принципе, самым приличным среди них был
братец-Волк, но его не любили
из-за его происхождения
шепотом в Кодрах передавали
будто не все совсем ясно с его прабабкой по
линии матери, будто бы та прабабка была чуть ли не
русской
но, сами понимаете, дело такое...

в результате за те несколько миллионов лет, что предшествовали
возникновению цивилизации
на наших землях, братцы животные так все рассорились
что Бог понял, место под ним не шатается
кресло устоит
птицы поют и пора заняться
собственно делом
сотворением первоиндейца Матвея
которого он и сотворил, перепоручив это дело
мне

итак, ты вылеплен – ты стоишь, ты улыбаешься
ходишь, поешь, разговариваешь в пять зубов
улыбаешься в оба уха

у тебя грустные, как у меня и голубые, как у деда
 глаза
 по-моему мы с Богом неплохо справились
 ну, а поскольку дело сделано, - Молдавия заселена, -
 остальным займешься ты, мой мальчик, я устало опускаюсь к ручью
 на холме Черепаха
 в последнее время ноги болят все сильнее, суставы выворачивает
 просто
 я знаю, что это, Бог объяснил мне:
 чтобы у тебя пошел урожай за урожаем, надо бы
 удобрить почву телом, а я что, я ничего, не жалею
 сейчас лягу
 в борозду
 дай только взгляну последний раз на все это
 дай выпить подсолнухи, дай поглядеть даже
 на ненавистное Солнце
 лизнуть его в щеку
 поцеловать в плечо, подарить ему посох на счастье

я, как отметравшийся лосось, теперь лягу в ручей
 вытекающий с вершины холма Черепаха
 умру там, и буду разлагаться по мере распада частиц
 моего мужественного, -
 поплавай двадцать километров каждую неделю, -
 и когда-то сильного тела
 я распадусь на тысячи пылинок, кусочков чего-то такого
 похожего на мясные консервы
 я удобрю собой воду, она станет благодаря мне насыщена
 азотом, кислотами и прочей минеральной чепухой
 она обогатится планктоном
 который сделает возможным рыбоводство в этом ручье
 отчего он расширится и превратится в могучую рек
 я от всей души надеюсь на то, что
 она сотворит Третий Потоп
 погрязшей в грехах человечества Молдавии
 и очистит ее, омоет, утешит и убаюкает

может, это случится в год две тысячи десять какой-то
 может, это уже случилось полгода назад
 и я давно уже утопленник, колышусь, вместе с прибором

на дне
 сочиняю прозу в стихах от него делать
 и все, что мы видим лишь болезненная фантазия
 стусившейся от сумерек воды

так или иначе
 я сдаю тебе эту Молдавию
 сдаю под ключ какую есть
 отдаю навеки
 и тебя отдаю ей
 как бы мне не хотелось этого избежать:
 больше всего я люблю только вас, вас двоих
 но я боюсь, что вы
 друг с другом не справитесь
 но рано или поздно придется мне оставить вас вдвоем
 не вечно же вам, - Молдавии и сыну, - жить под моим присмотром
да, для умирающего лосося я слишком говорлив, но это
не от позерства, это из-за боязни наконец отпустить вас, дать волю
ну, давай, будь
 и вот я, взглянув на вас, Матвея Молдавию,
 отворачиваюсь и поднимаю голову
 я спокоен я хладен я мрак
 узурпатор самого себя, диктатор своей жизни
 поднимаюсь по узкой тропинке
 на холм
 волнуясь
 я вас, -
 свое дело,
 сделал
 я
 ухожу
 любовь моя
 любовь
 я

КОНЕЦ

январь 2005 –июль 2006

(с) Владимир Лорченков

